

Не было ни гроша, да вдруг алтын. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://ostrovskyaalexander.ru/> Приятного чтения!

Не было ни гроша, да вдруг алтын. Александр Николаевич Островский

(Комедия в пяти действиях)

Действие первое

Лица

Михей Михеич Крутицкий, отставной чиновник.

Анна Тихоновна, его жена.

Настя, племянница Крутицкого.

Домна Евсигневна Мигачева, мещанка.

Елеся, ее сын.

Истукарий Лупыч Епишкин, купец-лавочник.

Фетинья Мироновна, его жена.

Лариса, дочь их.

Модест Григорьич Баклушин, молодой человек.

Петрович, мелкий стряпчий из мещан.

Тигрий Львович Лютов, квартальный.

Действие происходит лет 30 назад, на самом краю Москвы. Слева от зрителей угол полуразвалившегося одноэтажного каменного дома. На сцену выходят дверь и каменное крыльцо в три ступени и окно с железной решеткой. От угла дома идет поперек сцены забор, близ дома у забора рябина и куст тощей акации. Часть забора развалилась и открывает свободный вход в густой сад, за деревьями которого видна крыша дома купца Епишкина. На продолжении забора, посередине сцены, небольшая деревянная овощная лавка, за лавкой начинается переулок. У лавки два входа: один с лица с стеклянной дверью, другой с переулком открытый. С правой стороны, на первом плане, калитка, потом одноэтажный деревянный дом мещанки Мигачевой; перед домом, в расстоянии не более аршина, загородка, за ней подстриженная акация. В переулок видны заборы и за ними сады. Вдали панорама Москвы.

Явление первое

Епишкин и Петрович сидят у лавки и играют в шашки. Мигачева стоит у калитки своего дома.

Епишкин. Фук да в дамки. Ходи!

Петрович. Эх-ма! Прозевал.

Епишкин. Ходи!

Петрович. Ходи да ходи! Куда тут ходить? (Раздумывая.) Куда ходить?

Епишкин. Ходи!

Петрович. Пошел.

Епишкин. Вот тебе карантин, чтобы ты не тарантил.

Входит Лютов.

Убери доску!

Не было ни гроша, да вдруг алтын. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Петрович с доской уходит в лавку.

Явление второе
Епишкин, Мигачева, Лютов.

Лютов (Мигачевой). Там забор у тебя, а вот загородка! (Грозит пальцем.)

Мигачева. Из каких доходов, помилуйте! Кабы у меня торговля или что нечто б я... Ах, боже мой! Я бы только, Тигрий Львович, для одного вашего удовольствия...

Лютов. А? Что ты говоришь?

Мигачева. Да разве б я не окрасила? Окрасила бы, очень бы окрасила. А коли тут худо, в другом месте валится... а какая моя возможность? Чем я дышу на свете?

Лютов. Мне что за дело! Чтоб было окрашено!

Мигачева. Будет, будет, только б малость управиться. Хорошо тому, у кого довольно награблено, оченно ему можно быть исправным обывателем. Вот с кого спрашивать-то надо. Крась да мажь! У нас кому любоваться-то? И народ-то не ходит.

Лютов. Без рассуждений! Вот если завтра не будет выкрашено, я тогда посмотрю.

Мигачева. Вот и живи.

Лютов (оборачивается к каменному дому). Уж хоть бы развалился совсем поскорее. (Пожимает плечами и, махнув рукой, отворачивается.) Эх, обыватели!

Епишкин. Тигрию Львовичу наше почтение.

Лютов. Здравствуй, Истукарий Лупыч! (Подает руку.) Тебе-то, братец, уж стыдно! Забор-то не загородишь: ведь точно ворота проезжие.

Епишкин. Оно точно, что я оплошал: он маленько развалился, а мне невдомек было; так ваша ж команда на дрова себе растаскала.

Лютов. Загороди, братец.

Епишкин. Вы себя беспокоить не извольте, будет в порядке. Признаться, теперь в голове-то не то, об этих глупостях и думать-то не хочется.

Лютов. Не глупости, братец, коли начальство тебе приказывает.

Епишкин. Понимаем, Тигрий Львович, да ведь уж и обязанностей-то наших больно много. Ежели счесть теперь все повинности да провинности, оклады да наклады, поборы да недоборы, торжества да празднества, – так ведь можно и пожалеть по человечеству. С одного-то вола семи шкур не дерут.

Лютов. Разве я тебя не жалею? Я тебя ж берегу; деревья у тебя в саду большие, вдруг кому-нибудь место понравится: дай, скажет, удавиться попробую.

Епишкин. Верно изволите говорить; местоположение заманчивое для этого занятия. Такой сад, что ни на что окромя и не годен. Я уж и то каждое утро этих самых фруктов поглядываю.

Лютов. Ну, так ты народ-то не искушай! Следствие, братец; понял? А я тебе этой беды не желаю.

Епишкин. Уж что говорить! Ну, да, думаю, бог милостив.

Лютов. Кабы ты чистый человек, а то... Я, братец, ничего не знаю, я ничего не знаю, а, чай, слышал, какой разговор-то про тебя насчет притону-то?

Епишкин. Мало ли всяких разговоров-то! И про ваше благородие тоже кой-что поговаривают; да мы, признаться, внимания не берем и слушать-то.

Не было ни гроша, да вдруг алтын. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Лютов. Так уж ты загороди; побереги хоть меня-то, коль себя не бережешь; с нас тоже ведь спрашивают.

Епишкин. Не извольте беспокоиться! Стоит ли об таких пустяках разговаривать! Милости просим на полчаса! Особенной попотчевать могу.

Лютов. Попозже зайду, теперь некогда. (Подает руку.)

Епишкин. Как угодно-с. Завсегда рады, завсегда вы у нас первый гость. Поискать еще таких-то благодетелей.

Лютов уходит.

Терпит же ведь земля, господи! (Уходит в лавку.)

Из лавки выходит Фетинья.

Явление третье
Мигачева и Фетинья.

Мигачева. Здравствуйте, матушка Фетинья Мироновна!

Фетинья (гордо). Здравствуй!

Мигачева. Куда бог несет?

Фетинья. Так, для воздуха, у лавочки посидеть. А ты куда?

Мигачева. Куда мне! Сына поглядываю.

Фетинья. На что он тебе?

Мигачева. Поругать хочется, Фетинья Мироновна.

Фетинья. После поругаешь, не к спеху дело.

Мигачева. Боюсь, сердце-то пройдет; сердце-то у меня круто, да отходчиво. А теперь бы он мне в самый раз попался: в расстройстве я.

Фетинья (подходя). Что так?

Мигачева. Квартальный, матушка, разобидел; пристаёт, забор красить, отдыху не даёт. Какие мои доходы, сами знаете: один дом, да и тот валится. Четверо жильцов, а что в них проку-то! Вот, Петрович – самый первый жилец, а и тот только за два с четвертаком живёт. Ну, опять возьмите вы поземельные. Все б еще ничего, да ведь дом-то заложен, процент одолел.

Фетинья. Заложен?

Мигачева. Заложен.

Фетинья. Скажите!

Мигачева. Третий год я вам говорю, Фетинья Мироновна, одно и то же, а вы все будто не слышали, да все удивляетесь.

Фетинья. Ах, редкости какие! Коли у меня такой характер, что ж мне делать-то! А то так тебе и дать одной все порядку говорить! Этак ты всю материю скоро расскажешь. А нынче день-то год, пушай поговорим, куда нам торопиться-то; а время-то и пройдет, будто дело делали.

Мигачева. Помощник-то у меня, сами знаете, один.

Не было ни гроша, да вдруг алтын. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Фетинья. Один? И то ведь один.

Мигачева. Да и тот неважный, так, какая-то балалайка бесструнная. Ну, еще по дому кой-что хозяйничает, а уж на стороне достать что-нибудь, на это разуму у него нет. Думала в люди отдать, хоть в лавку, да сама ни при чем останешься. А он все-таки и подбелит, и подкрасит, и подколотит.

Фетинья. Чего ж тебе лучше?

Мигачева. Заодно у нас с ним война: вдруг провалится, неизвестно куда. Синиц по огородам ловит, рыбу на Москве-реке ловит; а тут его, как на грех, нужно, ну, и пошла баталия.

Фетинья. Молод еще. Женила б ты его.

Мигачева. Женить! Лестно взять жену-то с деньгами, хоть с небольшими; а кто ж отдаст за него, кому крайность!

Фетинья. Нет, ты не говори. Бывают случаи. Другая девушка и с деньгами, да порок какой-нибудь в себе имеет: либо косит очень, один глаз на нас, другой в Арзамас, либо вовсе крива; а то бывает, что разумом недостаточна, душой не зовешь, а и к умным не причтешь, так, полудурье; ну, вот и ищут женихов-то проще, чтоб невзыскательный был. А бедному человеку поправка.

Мигачева. Бывает людям счастье, да не нам.

Фетинья. У тебя все-таки сын, что тебе горевать-то? Так разве когда, от скуки, поплачешься для разговору только для одного. А вот наша забота с дочкой-то.

Мигачева. Так вы с деньгами.

Фетинья. Чудная ты, и с деньгами не берут. (Со вздохом.) Мало ль ее смотрели-то, Домнушка!

Мигачева. Какая ж причина? Такая ее красота...

Фетинья. Уж чего еще! Поглядеть любо-дорого, самый первый вкус. Одно беда – разговором нескладна. Кабы только с глаз брали, так, кажется, ее давно бы с руками оторвали; а поговорят, ну, и прочь, и прочь. Войдет – удивит, убьет красотой всякого; а скажет слово, так и сразит, так с ног и сразит. А уж как выдать хочется.

Мигачева. Вам что; вы свою сбудете. А вы возьмите соседку, вот мается с девушкой-то, вот где слезы-то!

Фетинья. Уж чем только они живы, бедные!

Мигачева. Чем живы? Выработают гривенник, купят калачика, тем и сыты.

Фетинья. Как бы, мне кажется, у старика денег не быть; ведь он чиновник, с кавалерией, гляди, пенсию получает.

Мигачева. Кто его знает. От него толку не добьешься, он и не говорит ни с кем, только ругается да ворчит. Бродит весь день по Москве, только ночевать домой приходит.

Фетинья. Я раз иду городом, а он у Казанского собора с нищими стоит.

Мигачева. С нищими? Вот ведь дела-то какие!

Фетинья. С чего он в такой упадок пришел?

Мигачева. Все только руки врозь, матушка. Его в нашей стороне все знают; у него здесь свой дом был, лошади хорошие. Служил он в каком-то суде секлетарем, ну, и оставили его за взятки, что уж очень грабил. Анна Тихоновна сказывала, что и стал он с той поры сумлеваться, как ему жить без дохода. Продал дом, лошадей, стал деньги в проценты отдавать. И зажили мы, говорит, день ото дня хуже: переехали в одну комнатку, прислугу всю он распустил, а там уж и кухарку сослал.

Не было ни гроша, да вдруг алтын. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru И пришлось Анне Тихоновне самой и кушанье готовить, и за водой ходить. А потом и совсем, говорит, дома стряпать перестали, купим что-нибудь в лавочке и поедим, а когда и так просидим. А теперь вот к нам в соседство перебрались; дом-то этот еще с француза в тягбе находится, так с тех пор без починки и без всякого призрения и стоит; так Михея Михеича задаром пустили, чтоб он только на дворе присматривал, кирпичи подбирал да в кучку складывал.

Фетинья. Что мы живем! Мы от жиру и бога-то забыли, а ты попробуй, вот так поживи.

Мигачева. Ну, старуха-то уж притерпелась, а каково девушке-то?

Фетинья. Да откуда она у них взялась, скажи ты мне на милость!

Мигачева. Она Михею племянница родная, сиротка. Как случилась с ним беда, погнали его со службы, ее и взяла крестная мать, барыня богатая.

Фетинья. Богатая?

Мигачева. Богатая. И воспитывала ее с дочерьми своими в полном достатке. Вот как выросла эта Настенька, и возненавидела ее барыня за красоту, что на Настеньку все прельщаются, а на ее дочерей нет, и прогнала ее без всякого награждения. А прежде обещала замуж ее выдать. Да мне Анна Тихоновна сказывала, что у Настеньки уж и жених был, молодой человек, хорошего роду. Приехала Настенька в эту конуру разряженная, в перчатках... И сесть-то боится, и дотронуться-то до всего ей гадко... Всплеснет, всплеснет вот так руками, за голову ухватится да и упадет без памяти. Больна с месяц лежала, насилу оправилась. Ну, разумеется, девушка избалованная, и кофейку, и чайку, того, другого, вот тетка-то все ее платица, колечки, сережки и продавала; за бесценок шло, даже жалость смотреть. А теперь, уж видно, не до чаю, и хлеб-то им стал в диковинку.

Крутицкий показывает на крыльце.

Вот старый куда-то собрался, из дому выполз.

Явление четвертое
Мигачева, Фетинья, Крутицкий.

Крутицкий (в полурастворенную дверь). Ты, смотри, никуда не смей! Боже тебя сохрани! Скучно дома, ну, выдь на крыльцо, посиди. А с крыльца ни шагу, слышишь ты! А? Что? Ну, хорошо. Так ты... того... сядь тут! Я ведь скоро, я бегом.

Мигачева. Здравствуйте, Михей Михеич!

Крутицкий. Здравствуйте! (Кланяется и хочет идти.)

Мигачева. Что это вы, Михей Михеич, в шинели?

Крутицкий. Что тебе шинель! Что тебе шинель! Не твоя шинель.

Мигачева. Да жарко.

Крутицкий. Кому жарко, а мне не жарко, я старичок. (Подходит к Фетинье и говорит ей тихо.) Оставь дома, так ее и украдут, пожалуй.

Фетинья. Ну, уж кому она нужна?

Крутицкий. Нет, ты не говори. Шинель хорошая. (Гладит по ворсу.) Это я сшил когда еще на службе был. Тогда у меня деньги были шальные.

Фетинья. Куда ж ты их дел?

Крутицкий. Прожили. Без доходу живем; все проживаем, все проживаем, а доходиков никаких, вот и прожили.

Не было ни гроша, да вдруг алтын. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru Мигачева. Мудрено что-то. По вашей жизни, вам и процентов-то не прожить с вашего капитала.

Крутицкий. Какого капитала! А ты почему знаешь, сколько у меня денег было? Кто тебе сказывал? Кто? Я тебе не сказывал, так ты и не болтай! (Фетинье.) Как прожил? Много-то было, так не берегли: я шампанское пил. Ты думаешь, на чужие деньги! На чужие-то я его море выпил, а случалось, бывало, и на свои бутылочку купишь. По десяти рублей ассигнациями за бутылку платил. В Сибирь меня надо за это сослать. Вино-то выпил, где оно? Тю-тю. А и денег-то нет. Вот как деньги-то проживают! Взаймы давал, пропадали; жена у меня не берегла ничего. (Фетинье почти на ухо.) Жена у меня мотовка. У! мотовка!

Фетинья. Не знаю я ваших делов.

Крутицкий. Мотовка, мотовка! Я ее любил, я ей дарил, много дарил. У меня каждый день был доход; ну, бывало, иногда и подаришь ей то десять, то пять рублей. Береги, Анна! Вот и уберегла. Было мое время, каждый день все прибывало, все прибывало.

Мигачева. Ну, как же, я ведь помню; знала я, все знала.

Крутицкий. Ничего ты не знала. Что ты могла знать! Никто не знал; жена – и та не знала. Я возил деньги домой, каждый день возил; а сколько я взял, с кого я взял, никто не знал. Я злодей был для просителей, у меня жалости нет, я варвар был.

Фетинья. Вот тебя бог-то и наказал.

Крутицкий. А других, а других? За что ж меня одного? Все брали, торговля была, не суд, а торговля. Кто меньше, кто больше, а все-таки брали. Бывало, товарищи мне говорят: «ты много берешь». А вы, говорю, мало берете, ну, значит, вы дешевле меня свою совесть продаете. Хе-хе-хе!

Мигачева. Эх, Михей Михеич, племянницу-то вы голодом заморили.

Крутицкий. Какую племянницу? Чем мы ее заморили? Я к тебе на кухню не хожу, горшков не нюхаю.

Мигачева. Конечно, что не мое дело; а со стороны жалко.

Крутицкий. Племянницу! Много всякой родни-то на свете! Мы все родня; все от одного человека. Всякий о себе. Пусть работает, я ей не мешаю.

Мигачева. Ну, много ли она выработает, такая барышня воспитанная?

Крутицкий. Вот язык-то у тебя без костей, вот уж без костей; так и болтает, так и болтает.

Мигачева. Хоть бы вы побаловали ее чем-нибудь, так, малость.

Крутицкий. Что ж, малость! Ты вот все болтаешь, сама не знаешь что; потому что разума у тебя нет. Малость, малость! Ее только избалуешь, а себя обидишь. Малость дай! Все дай, все дай; а мне кто даст? Всякий для себя. За что я дам? Как это люди не понимают, что свое, что чужое? Сколько я ни нажил, все – мое. Пойми ты! Рубль я нажил, так всякая в нем копейка моя. Хочу, проживаю ее, хочу – люблюсь на нее. Кому нужно свои отдавать? Зачем свои отдавать? (Отходя.) Все я дай, а мне кто даст? Попрошайки!

Мигачева. Ну, заворчала, грыжа старая!

Крутицкий (возвращаясь). А ты не болтай! Я не малость, я вот ей за приданым иду.

Фетинья. Что ж, ты его в узелке принесешь, все приданое-то?

Крутицкий. Нет, не в узелке, а вот здесь. (Показывает на боковой карман.)

Мигачева. Батюшки!

Крутицкий. Да, вот я что для нее... А ты нюхаешь по горшкам, что едят, болтунья

Не было ни гроша, да вдруг алтын. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
пустая. (Уходит, ворча.)

Фетинья. Пойти в лавочку, никак муж чай пьет.

Елеся показывается из калитки, в халате, с клеткой.

Да вот сын-то, а ты ищешь! (Уходит в лавку.)

Явление пятое
Мигачева, Елеся.

Елеся (поет).

Чижик-пыжик у ворот,
Воробушек маленький.
Мигачева. Скажите на милость, а он дома был.

Елеся (громче).

Ах, братцы, мало нас,
Голубчики, немножко.
Мигачева. У матери такое расстройство насчет забора, а он песни поет. Погоди ж ты!

Елеся, бросив клетку, убегает в калитку, Мигачева за ним. Входит Настя; за ней, в нескольких шагах, Баклушин.

Явление шестое
Настя, Баклушин, потом Епишкин.

Баклушин. Милая девица, куда же вы так торопитесь?

Настя (быстро оборачиваясь). Стойте, стойте! Воротитесь, не ходите дальше, умоляю вас!

Баклушин. Боже милостивый! Настасья Сергевна, вы ли это?

Настя (потупляя глаза). Я, я; только вы не ходите за мной.

Баклушин. Что ж вы раньше не остановились, если узнали меня? Я версты две бегу за вами.

Настя. Я вас не видала, не узнала. Ах, уйдите, уйдите!

Баклушин. Скажите мне, существо прелестное, как вы попали в эту глушь? Ведь это край Москвы, это – захолустье.

Настя (обидчиво). Не всем же на Тверской жить; там для всех и места неостанет.

Баклушин. Так вы здесь и живете?

Настя (осматривая себя и конфузясь). Отчего же вы думаете, что я непременно должна здесь жить?

Баклушин. Вы сами сказали.

Настя. Ах, нет, нет, что вы! Я сюда пришла к знакомым, у меня есть дело. Вы не верите? Ну, право, право!

Баклушин. Ну, не здесь, так не здесь; к чему же так ажитироваться! А где же, позвольте узнать?

Настя (потупясь). Зачем вам?

Не было ни гроша, да вдруг алтын. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Баклушин. Вот мило! Уж не прятаться ли вы от меня хотите? С какой стати, зачем?

Настя. Я не прятаться... Ах, право! Я не знаю. Уйдите!

Баклушин. Отчего такая перемена? Нет, вы скажите...

Настя (со вздохом). Что я скажу! Это не от меня. Мне нельзя... вот...

Баклушин. Вы хоть меня-то пожалейте! Ну, за что, за что? Я все тот же, все так же к вам привязан.

Настя. Все так же? Правда ли это?

Баклушин. Божусь вам!

Настя. Ну, так вот что: оставьте меня, мне теперь некогда, я вам после...

Баклушин. Когда после? Где я увижу вас?

Настя. Я вам напишу, я знаю ваш адрес. Ступайте! Ступайте!

Баклушин. Вы что-то скрываете от меня. Ну, да бог с вами, я вам верю. Вы, однако, изменились.

Настя (с испугом). Подурнела? Скажите пожалуйста, подурнела! Ах, я так и знала.

Баклушин. Успокойтесь, несколько вы не подурнели; вы только похудели немного.

Епишкин выходит из лавки и садится на складном стуле.

Настя. Что же вы стоите здесь! Мне некогда, я за делом пришла.

Баклушин. Идите за делом, я вас подожду. У меня есть твердое намерение проводить вас до дому.

Настя. Нет, нет, ни под каким видом. Это невозможно. Я здесь до ночи останусь. Идите, идите, умоляю вас!

Баклушин. Ну, прощайте! Что с вами делать!

Настя. До свидания. (Дождывается, пока Баклушин уходит за угол лавки, потом убегает в дом, где живет Крутицкий.)

Баклушин (возвращаясь). Одна, никто ее не провожает, ни человек, ни девушка! Без перчаток, в таком платье! Странно! тут что-нибудь да кроется. Но во всяком случае я очень рад, что опять нашел ее; мне без нее не шутя было скучно. (Епишкину.) Послушайте, почтеннейший!

Епишкин. Что вам угодно, сударь?

Баклушин. Вы знаете эту девушку?

Епишкин. Девушку-то? Я думал, вы про что путное спрашиваете. Не наше это дело. (Смотрит в другую сторону.)

Баклушин. По крайней мере, будьте так добры, скажите мне, она здесь живет?

Епишкин (как бы зевая). О-хо-хо! (Показывает рукой, не глядя.) Вон живет!

Баклушин. Покорно вас благодарю.

Епишкин. Не за что-с.

Баклушин. Можно войти в лавку написать письмо? Я вам заплачу за бумагу.

Не было ни гроша, да вдруг алтын. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru
Епишкин. Пожалуйте! Там мальчик вам подаст.

Баклушин входит в лавку. Из калитки дома Мигачевой выбегает Елеся, растрепанный, в халате и останавливается подле калитки; из калитки показывается ухват.

Явление седьмое
Епишкин, Елеся, потом Мигачева.

Елеся. Но оставьте, маменька! Нехорошо! Эх, нехорошо! (Хочет войти в калитку.)

Мигачева (показываясь с ухватом). И не подходи, так, кажется, вот и разражу.

Епишкин (хохочет). Хорошенько его, Домна Евсигневна! Хорошенько!

Елеся. К чему это, маменька! Ну, к чему это! Вот уж к вам это не пристало, всегда скажу, что не пристало. Но оставьте же! Вон барышни смотрят. Ай, ай, ай! А барышни-то смотрят!

Мигачева (выходя из калитки). Очень мне нужно, что они смотрят! Я никого знать не хочу.

Елеся. А я-то, маменька, я-то! Меня-то пожалейте, ведь я жених...

Мигачева. Ах ты, наказание ты мое! Посудите только, добрые люди: дома денег ни копейки, а он чижей ловит да на барышень любит. Вот я тебя!

Елеся. Позвольте, маменька! Да на что нам много денег? Нам ведь серебряных подков не покупать, потому у нас и лошадей нет.

Мигачева. Какие серебряные подковы! Какие лошади! Двугривенного в доме нет, а он...

Елеся. Позвольте! Это верно. Нам теперь с вами какой-нибудь двугривенный дороже каменного моста.

Мигачева. Какой мост? Квартальный давеча страмил, страмил при людях, что забор не крашен.

Елеся. Важное дело! Кабы хитрость какая! А то взять голландской сажи, – вот и весь состав.

Мигачева. Когда еще этот твой состав будет!

Елеся. Одна минута.

Мигачева (ставит ухват у калитки). Без денег-то? Наказанье...

Елеся. Сейчас умом раскину...

Мигачева. Каким умом, каким умом? Наказанье ты мое, данное! Дурак ведь ты у меня круглый, наказание ты мое.

Елеся. Что ж, что дурак, маменька? Видно, родом так.

Мигачева. Да отец-то был у тебя умный.

Елеся. Я, маменька, не в отца.

Мигачева (берет ухват). В мать, что ли? Дурак, дурак! Непочтительный! Неуважительный! Супротивник ты для всего настоящего, что по закону требуется.

Епишкин (хохочет). Учи его, учи!

Мигачева. Слышишь, что добрые-то люди говорят, слышишь? Вон из моего дому, вон! Я и знать тебя не хочу.

Не было ни гроша, да вдруг алтын. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Елеся. Нет, вы, маменька, такими словами не шутите! Такие-то слова своему детищу надо осторожно. Вы знаете, можно человека и в тоску вогнать.

Мигачева. Ах, скажите пожалуйста, нужно мне очень.

Елеся. А в тоске куда ж человеку? Одно средство – в Москву-реку.

Мигачева. Что ты, не грозить ли мне вздумал?

Елеся. Не грозить, а прочитают вам в «Полицейских ведомостях»...

Мигачева. Какие такие новости прочитают?

Елеся. Найдено тело неизвестного человека...

Мигачева. Ишь ведь глупости...

Елеся. «Юноша цветущих лет, прекрасной наружности». И тут же еще добавлено: «так видно, что по неприятностям от родителей».

Мигачева (ставя ухват). Скажите пожалуйста, что он городит! Не рада, что и связалась. Уйди ты от греха с глаз моих! (Идет в калитку.)

Епишкин. Домна Евсигневна! Ухват-то захвати!

Мигачева. Ах, извините! Я, знаете, по своей горячности, замечталась очень, вот какое невежество на улицу принесла.

Епишкин. Нет, ничего, что за невежество! И ухват свою службу сослужит, как ничего другого под руками нет. Я тоже дома попросту.

Мигачева (берет ухват). Ах, право! Вдруг закипит, и сделаюсь без понятия, даже людей совестно. (Уходит.)

Из лавки выходит Баклушин с письмом.

Явление восьмое
Епишкин, Елеся, Баклушин.

Баклушин (Епишкину). Я там заплатил. Покорно вас благодарю. Не можете ли вы передать это письмо?

Епишкин (будто не слышит). Чего-с?

Баклушин. Передать по адресу.

Епишкин. Эх, барин! Борода-то у меня уж поседела.

Баклушин. Что мне за дело до вашей бороды!

Епишкин. А то и дело, что отдавайте сами. Ходили тоже и мы по этим самым делам, да уж теперь у меня у самого дочери двадцать седьмой годочек пошел.

Баклушин. По каким «этим делам»?

Епишкин. Ну, что уж! Вон парень-то без дела гуляет, пошлите его. Ему все равно, он у нас не спесив.

Баклушин (Елесе). Не можете ли вы доставить письмо?

Елеся. Кому-с?

Баклушин. Настасье Сергевне.

Елеся. Барышне-с?

Не было ни гроша, да вдруг алтын. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru
Баклушин. Да, барышне.

Елеся. Истукарий Лупыч, а по затылку нашего брата за эти дела не скомандуют?

Епишкин. Снеси! Ничего.

Елеся. Я снесу, Истукарий Лупыч.

Епишкин. Снеси! Барин на чай даст.

Баклушин. Разумеется, не даром. (Дает Елесе двугривенный.) Так отдайте письмо. Эта барышня у кого живет?

Елеся. У тетеньки-с.

Баклушин. Чем они занимаются?

Елеся. Рубашки берут шить русские ситцевые на площадь на продажу, по пятаку за штуку.

Баклушин. Что? Может ли быть?

Елеся. Так точно-с.

Баклушин. Да, вот что. Так дайте письмо. (Берет письмо назад.) Ну, все равно, снесите! (Отдает опять и уходит.)

Елеся. Я отдам, Истукарий Лупыч. (У двери Крутицкого.) Получите письмецо!
(Подает в дверь и подходит к лавке.)

Епишкин. А двугривенный-то тебе годится.

Елеся. И вот сейчас, Истукарий Лупыч, голландской сажи на всю эту сумму, только побольше.

Епишкин. Поди, отвесят тебе.

Елеся. Вот ведь она, кажется, сажа; а и матери удовольствие, и квартальному мило. (Уходит в лавку.)

Епишкин (встает). Фетинья!

Фетинья выходит из лавки.

Явление девятое
Епишкин, Фетинья.

Фетинья. Что угодно, Истукарий Лупыч?

Епишкин. Допреж в нашей стороне смирно было, а теперь стрекулисты стали похаживать да записочки любовные летают.

Фетинья. Что вы говорите!

Епишкин. Так точно. Значит, Ларису поскорей замуж надо.

Фетинья. Да, разумеется, надо.

Епишкин (вздыхнув). Так-то, брат, вот что!

Фетинья. Признаться, есть женишко-то, да не по ней.

Епишкин. Ну, да хоть уж плохенький, да только бы с рук скорей. Это вы только сами себе цену-то высоко ставите, да еще женихов разбираете; а по-нашему, так вы и хлеба-то не стоите. Коли есть избранники, так и слава богу, отдавай без разбору! Уж что за товар, коли придачи нужно давать, чтоб взяли только.

Не было ни гроша, да вдруг алтын. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Фетинья. Коли вы дочь свою к товару применяете...

Епишкин. Товар ли, не товар ли, как хочешь ее поворачивай, все дрянь. (Уходит в лавку, Фетинья за ним.)

Из лавки выходит Елеся. Лариса, разряженная, гуляет по саду подле развалившегося забора.

Явление десятое
Елеся, Лариса, потом Фетинья.

Елеся. Наше почтение-с!

Лариса (постоянно держась прямо). Здравствуйте! Тиранов моих нет здесь?

Елеся. Это вы насчет родителей-с?

Лариса. Они-то самые мои тираны и есть.

Елеся. Почему же вы так заключаете?

Лариса. Я хочу завсегда у людей на виду быть, а мне из дому выхода нет. Я, собственно, своего требую, чтоб люди меня видели, потому зачем же я наряды имею.

Елеся. Это действительно-с.

Лариса. Маменька говорит, что я разговору не знаю. Коли хотят, чтоб я знала разговор, дайте мне настоящих кавалеров. А то как же мне знать разговор, коли я все сижу одна и сама промежду себя думаю?

Елеся. О чем же вы думаете?

Лариса. Я этого не могу сказать, потому мы с вами довольно далеки друг от друга. Имеете так близко предмет и сами себя отдаляете.

Елеся. И видит кошка молоко, да рыло коротко. Ежели б я только смел-с... Потому как я давно чувствую любовь.

Лариса. Может, ваша любовь бесчувственная.

Елеся. Как же может быть бесчувственная, когда вы харуим.

Лариса. Коли вы так чувствуете, отчего вы ко мне не подойдете?

Елеся. Стало быть, мне к вам в сад поступить?

Лариса. Поступайте!

Елеся переходит в сад. Фетинья выходит из лавки и садится на стуле.

Вы умеете целоваться?

Елеся. Похвастаться против вас не смею; а так думаю, что занятие немудреное.

Лариса. Поцелуйте меня!

Елеся. Даже очень приятно-с. (Целует Ларису.)

Фетинья прислушивается.

Не было ни гроша, да вдруг алтын. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Лариса. Нет, вы не умеете.

Елеся. Да нечто б я так-с, только звание мое очень низко, так я сумлеваюсь.

Лариса. Коль скоро я вам позволяю, вы забудьте ваше звание и целуйте, не взирая.

Елеся. Только за смелостью и дело стало. (Крепко целует Ларису.)

Фетинья заглядывает в сад.

Фетинья. О, чтоб вас! Напугали до смерти. Я думала, что чужой кто. Ведь от Ларисы все станется. А это ты, мой милый!

Елеся (потерявшись). Про-про-валиться здесь на месте, не нарочно-с. И сам не знаю, как это я! Вот поди ж ты, Фетинья Мироновна, на грех мастера нет.

Фетинья. Ну, с тобой после. Ты только хоть уж молчи-то. (Ларисе.) А тебе это среди белого-то дня и не совестно! На-ко! На всем на виду! Солнышко-то во все глаза смотрит...

Лариса. Вам давно сказано, что я не могу жить против своей природы. Чего ж еще! Чем же я виновата, когда моя такая природа? Значит, я все слова ваши оставляю без внимания! (Уходит.)

Фетинья. Что с ней будешь делать! Нет, уж надоело мне в сторожах-то быть. (Уходит.)

Елеся. Вот так раз! Что-то мне теперь будет за это? Чего-то мне ожидать? Быть бычку на веревочке!

Петрович выходит из лавки.

Явление одиннадцатое
Елеся, Петрович.

Елеся. Абвokat, выручай! Попался, братец!

Петрович. В каком художестве?

Елеся. Купеческую дочь поцеловал.

Петрович. Дело – казус. Какой гильдии?

Елеся. Третьей.

Петрович. Совершенных лет?

Елеся. Уж даже и сверх того.

Петрович. По согласию?

Елеся. По согласию.

Петрович. Худо дело, да не очень. А где?

Елеся. В саду у них.

Петрович. А как ты туда попал?

Елеся. Через забор, друг.

Петрович. Шабаш! Пропала твоя голова.

Елеся. Ох, не пугай, я и так пуганый.

Не было ни гроша, да вдруг алтын. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru
Петрович. Непоказанная дорога – вот что! Тут с их стороны большая придирка.

Елеся. Придирка?

Петрович. Но и с нашей крючок есть.

Елеся. Какой, скажи, друг?

Петрович. Ты держись за одно, что ногами ты стоял на общественной земле.

Елеся. На общественной?

Петрович. На общественной. А только губы в сад протянул.

Елеся. Облегчение?

Петрович. Большое.

Елеся. Спасибо, приятель! Чай за мной.

Уходят в калитку. Анна Тихоновна и Настя сходят с крыльца.

Явление двенадцатое
Анна, Настя.

Настя. Ах, тетенька, голубок! Вот бы поймать!

Анна. Лови, коли тебе хочется. Дитя ты мое глупое, беда мне с тобой. Не с голубьями тебе, а с людьми жить-то придется.

Настя. Улетел. (Снимает с головы небольшой бумажный платок.) Ах, этот платок, противный! Сокрушил он меня. Такой дрянной, такой неприличный, самый мещанский.

Анна. Что делать-то, Настя! Хорошо, что и такой есть. Как обойдешься без платка!

Настя. Да, правда. От стыда закрыться нечем.

Анна. Ох, Настя, и я прежде стыдилась бедности, а потом и стыд прошел. Вот что я тебе расскажу: раз, как уж очень-то мы обеднели, подходит зима, – надеть мне нечего, а бегать в лавочку надо; добежать до лавочки, больше-то мне ходить некуда. Только, как хочешь, в одном легком платье по морозу, да в лавочке-то простоишь; прождешь на холоду! Затрепала меня лихорадка. Вот где-то Михей Михеич и достал солдатскую шинель, старую-расстарую, и говорит мне: «Надень, Аннушка, как пойдешь со двора! Что тебе дрогнуть!» Я и руками и ногами. Бегаю в одном платьишке. Побегу бегом, согреться не согреюсь, только задохнусь. Поневоле остановишься, сердце забьется, дух захватит, а ветер-то тебя так и пронимает. Вот как-то зло меня взяло; что ж, думаю, пускай смеются, не замерзать же мне в самом деле, – взяла да и надела солдатскую шинель. Иду, народ посмеивается.

Настя. Ах, это ужасно, ужасно!

Анна. А мне нужды нет, замер(з) совсем стыд-то. И чувствую я, что мне хорошо, руки не ноют, в груди тепло, – и так я полюбила эту шинель, как точно что живое какое. Не поверишь ты, а это правда. Точно вот, как я благодарность какую к ней чувствую, что она меня согрела.

Настя. Что вы говорите, боже мой!

Анна. Вот тут-то я и увидела, что человеческому-то телу только нужно тепло, что теплу оно радо; а мантийки там да разные вырезки и выкройки только наша фантазия.

Настя. Тетенька, ведь вы старуха, а я-то, я-то! Я ведь молода. Да я лучше... Господи!

Не было ни гроша, да вдруг алтын. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Анна. А вот погоди, нужда-то подойдет.

Настя. Да подошла уж. Уж чего еще! я последнее платье заложила, вот уж я в каком платке хожу. А давеча, тетенька, побежала я в ту улицу, где Модест Григорьич живет, хожу мимо его дома, думаю: «Неужто он меня совсем забыл!» Вот, думаю, как бы он увидел меня из окна или попался навстречу; а про платок-то и забыла. Да как вспомнила, что он на мне надет, нет уж, думаю, лучше сквозь землю провалиться, чем с Модестом Григорьичем встретиться. Оглянулась назад, а он тут и был; пустилась я чуть не бегом и ног под собой не слышу. Оглянусь, оглянусь, а он все за мной. Платок-то, платок-то, тетенька, жжет мне шею, хоть бы бросить его куда-нибудь. А потом взглянула на башмаки. Ах!

Анна. Ну вот, видела ты, наконец, своего Модеста Григорьича?

Настя. Да, видела. Думала, что, бог знает, как обрадуюсь, а только испугалась да сконфузилась.

Анна. Кто он такой, скажи ты мне!

Настя. Да я не знаю.

Анна. Вот хорошо! Хотела замуж идти, а за кого – не знаешь.

Настя. Да он милый такой.

Анна. Все ж таки хоть звание-то его знать надо.

Настя. Как это? Вот который с портфелем все ходит.

Анна. Чиновник?

Настя. Так, кажется.

Анна. И он хотел жениться на тебе?

Настя. Да. Маменька крестная хотела приданое дать.

Анна. Он тебя любит?

Настя. Ох! Очень, очень любит.

Анна. Ты почему это знаешь?

Настя. Как же мне не знать! Он мне, бывало, в уголке потихоньку каждый день про свою любовь говорил.

Анна. Только про любовь?

Настя. Да. У маменьки крестной ни о чем другом в доме и разговору не было. Только про любовь и говорили, – и гости все, и она сама, и дочери.

Анна. Можно богатым-то про любовь разговаривать, им делать-то нечего.

Настя. Ах, как жаль, что у меня денег нет.

Анна. Ну, а если б были, что ж бы ты сделала?

Настя. Вот что: наняла бы хорошенькую квартирку, маленькую, маленькую, только чистенькую; самоварчик завела бы, маленький, хорошенький. Вот зашел бы Модест Григорьич, стала бы я его чаем поить, сухарей, печенья купила бы.

Анна. Ну, а дальше что?

Настя. Дальше – ничего. Ах, тетенька, вы представить себе не можете, какое это наслаждение – принимать у себя любимого человека, а особенно наливать ему чай сладкий, хороший! Вот он пишет, что нынче же придет к нам. Что мне делать, уж я и не знаю.

Не было ни гроша, да вдруг алтын. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Анна. Помилуй, до гостей ли нам.

Настя. Дяденька идет.

Анна и Настя быстро уходят в дом. Крутицкий проходит за ними, не останавливаясь. Мигачева выбегает из своей калитки, за ней выходят Елеся и Петрович. Фетинья выходит из лавки.

Явление тринадцатое

Мигачева, Елеся, Петрович, Фетинья, потом Крутицкий, Анна, Настя.

Мигачева. Пришел, матушка, пришел. Что-то он принес – вот любопытно.

Фетинья. Потерпи, узнаем. Куда торопиться-то!

Мигачева. Каково терпеть-то! Неужли он в самом деле деньги принес.

Петрович. Кто ж его знает; человек темный, аред как есть.

Елеся. Алхимик.

Мигачева (подбегая к окну). Бранятся что-то.

Выходят из дома Крутицкий, Анна, Настя.

Крутицкий. Идите, говорю вам! Идите! Вот тебе приданое! Вот, на! (Дает Насте бумагу.)

Настя. Нет, нет, ни за что! Лучше я с голоду умру, сейчас с голоду умру!

Крутицкий. Ну, умирай, умирай! Только уж на дядю не жалуйся! Тебе стыдно у богатых просить, стыдно? А не стыдно у дяди кусок хлеба отнимать? Я сам нищий. У нищего тебе отнимать не стыдно?

Анна (берет у Насти бумагу). Михай Михеич, побойся ты бога! Что ты с нами делаешь?

Крутицкий (Фетинье). Вот они какие! Вот они какие! Они глупые. Я им хлеб достал, хлопотал для них, а они упрямятся. Отец родной того для нее не сделает, а она бранится. Да вот, все меня бранят; а ведь я им... знаете что?

Фетинья. Что же за сокровище ты добыл?

Крутицкий. Да, сокровище. Верно ты говоришь, сокровище. Я им свидетельство достал на бедную невесту. Вот я что! И священник подписал, и староста церковный подписал.

Мигачева. Ах, ах, ах!

Крутицкий. Пойдут по городу, по лавкам, что денег-то наберут! Какой доход! Счастье ведь это, счастье!

Фетинья. Да, счастье... на мосту с чашкой.

Мигачева (подбегая к Анне). Позвольте бумажку, полюбопытствовать!

Анна (подавая бумагу). Да на что вам? Ведь вы читать не умеете.

Мигачева. Все-таки интересно, помилуйте! (Рассматривая бумагу.) Ах, ах! Ну, вот, уж чего вам лучше!

Петрович. Постой ты! Подай сюда! (Берет бумагу.) Что ты смыслишь! (Просматривает бумагу, потом щелкает по ней пальцем.) Верно! Ничего, идите смело! По этой бумаге ходите смело. (Отдает Анне бумагу.)

Не было ни гроша, да вдруг алтын. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Настя. Что ж, очень это стыдно?

Мигачева. Да таки порядочно. Как начнут страмить, так только держись, особливо приказчики.

Елеся (смеется). Приказчики? Приказчики проберут.

Настя. А много денег собрать можно?

Мигачева. Счастьем ведь это. Кто рублик даст, кто просто поклонится да рукой махнет, значит – проходи мимо; кто насмеется вволю; а добрые люди попадаются – и по десяти и по двадцати рублей дают.

Настя. Тетенька, мне очень нужны деньги.

Фетинья. Ступайте! Кому ж не мило даром-то деньги брать! Случалось, что рублей и по сту набирали, особенно если девушка повидней да на всякий разговор нестыдлива.

Крутицкий. Какой доход! Какие деньги! Вот что я вам! Вот что!

Настя. А мне деньги очень нужны. Уж как мне нужны сегодня деньги! Уж пойдемте, тетенька, что ж делать! Ах, несчастная я, несчастная. (Плачет.)

Анна (тихо Насте). Ну, ничего! Ну, не плачь! Вот можно будет...

Крутицкий прислушивается.

...платье выкупить и платочек купить хорошенький.

Крутицкий (отводя Анну к стороне). Что ты, безумная! Что ты говоришь! Какие платочки? Еще не видя денег, да уж мотать задумала? Мотовка, мотовка! Ты ей и не показывай, что тебе дадут, ты все мне неси! И боже тебя сохрани!

Анна. Она, благородная девушка, за деньги-то такой стыд принимать будет, а мы у нее их отнимем.

Крутицкий. Что ее жалеть-то! не родная дочь. А ты, что покрупней-то, и зажди в руке-то, и зажди! Жаль тебе ее? О, мотовка! (Злобно.) Анна, если я узнаю, что у тебя были в руках большие деньги, да ты их из рук выпустила...

Анна. Что ты при людях-то, Михай Михеич!

Крутицкий. В петлю тебя, в петлю!

Фетинья. Вот вы бы и шли; самое время теперь, все купцы в городе.

Анна. Пойдем, Настенька.

Мигачева. Да постойте! как вы пойдете? На все нужно порядок знать. Вы, Анна Тихоновна, вперед идите; а вы, Настенька, так шага три сзади, так и идите. Платочком-то поприкройте для скромности. А если кто захочет на вас полюбопытствовать, поманит вас, вы и подойдите и платочек откройте. Ну, идите в добрый час.

Фетинья. Постойте! как вы бумагу-то держите? Так ведь нехорошо. Все ведь это надо знать, коли уж пошли за таким делом. Надо в чистый платок завернуть. Нет у вас? Вот возьмите мой, только назад принесите, а то вы, пожалуй... (Завертывает бумагу в платок.) Да вот так, против груди и держите! (Отдает бумагу.) Вот так, вот! Ну, и ступайте! Дай бог счастливо.

Анна и Настя медленно уходят.

Не было ни гроша, да вдруг алтын. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru Мигачева (Елесе). Елесе, Елесе, погляди! Ведут ее, бедную, как овечку. Ах, как интересно!

Действие второе

Лица

Крутицкий.

Анна.

Настя.

Мигачева.

Елесе.

Фетинья.

Лариса.

Баклушин.

Декорация та же.

Явление первое

Мигачева у калитки. Фетинья у лавки. Крутицкий сходит с крыльца. Анна за ним.

Фетинья. Вернулись, что ли?

Мигачева. Ох, вернулись.

Фетинья. Принесли что-нибудь?

Мигачева. Еще не слыхала. Вон Михей Михеич; спросить бы у него, да боюсь.

Крутицкий. Кто хозяин-то, кто? Кто у вас большой-то? Как вы смели купить без позволения? Нынче и хлеб-то дорог, и хлеб-то надо по праздникам есть, а вы чаю да тряпок накупили. Чай пьют! Вы меня с ума сведете! Набрал я тебе липового цвета на бульварах, с полфунта засушил, вот и пейте.

Анна. Она на свои купила.

Крутицкий. Какие у нее свои? Откуда у нее свои? У нее нет своих, все мои, – я ее кормлю. Да ты врешь, ты затаила деньги, затаила!

Анна. Не верь, пожалуй, бог с тобой, а я тебе все отдала.

Крутицкий. У, мотовка!

Мигачева. Позвольте, Михей Михеич, сколько же вам бог да добрые люди...

Крутицкий. Не подходи!

Мигачева. Уж и спросить нельзя! Кажется, не велик секрет! Не краденые деньги.

Крутицкий. Отступись, говорю! Что тебе до чужих денег! Иль ограбить меня хочешь! Меня и так ограбили. (Анне.) Обманули меня! Чаю захотели! Есть у вас липовый цвет и изюмцу есть немножко, я у бакалейной лавки подобрал. Он чистый, я его перемыл. А то чай! чего он стоит! Вот я посмотрю, сколько вы завтра принесете. Я сам с вами пойду.

Мигачева. Она завтра не пойдет; что ей за неволя мучиться.

Крутицкий. Не пойдет – из дому выгоню, ночью на улицу выгоню. (Уходит.)

Настя выходит на крыльцо с гребенкой в руке, причесывая голову.

Не было ни гроша, да вдруг алтын. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Явление второе
Фетинья, Мигачева, Анна, Настя.

Настя. Что же вы, тетенька! Попросите поскорей у кого-нибудь самоварчик-то. Наш подать нельзя, он никуда не годится. Мы здесь будем пить чай, под деревьями, здесь хорошо. Я пока приоденусь немножко; я того и жду, что Модест Гпигорьич придет. (Показывая шелковый платок.) Тетенька, вот платочек-то! Ах, душка, какой милый!

Анна. Милый, милый! А ты не забывай, что нам завтра опять идти.

Настя. Нет, уж завтра я не пойду. Хорошенького понемножку; я и нынче не знала, ворочусь ли живая. Да вы бы сами-то приоделись.

Анна. Во что мне!

Настя. Да хоть немножко! Хлопочите, тетенька, поскорей, скоро вечерни. (Уходит.)

Мигачева (подходя к Анне). Ну, матушка Анна Тихоновна, рассказывайте!

Фетинья подходит медленно и важно.

Анна. Что рассказывать – дело обыкновенное. Одолжите нам самоварчик.

Мигачева. После трудов-то хотите чайку напиться? Это хорошо. Извольте, извольте! Уж я и посуду свою дам, и столик. Елеся, Елеся!

Выходит Елеся.

Явление третье
Анна, Мигачева, Фетинья, Елеся.

Елеся. Что вам, маменька?

Мигачева. Вынеси столик сюда и чайник с чашками да поставь самовар. Накрой вон там, у крылечка, да поскорей поворачивайся!

Елеся. Спешу не спешу, а поторапливайся. (Уходит, напевая «Чижика», и потом в продолжение сцены приносит стол и прибор чайный.)

Мигачева. Еще чего не нужно ли? Хоть весь дом возьмите, Анна Тихоновна, я на это женщина простая, только уж расскажите, не томите! Измаялась!

Анна. Да, право, занимательного немного; вот разве один случай.

Мигачева. Ах, так и случай с вами был!

Анна. Заходим мы в один магазин, в амбар ли, уж не знаю; хозяин такой видный, важный, стоит за конторкой, что-то пишет. Ну, мы поджидаем, когда он кончит. Он напишет, взглянет на нас да опять писать примется. Мы стоим, приказчики посмеиваются. Вот он кончил, кивнул нам головой и указывает рукой на дверь. Я хотела подойти, бумагу подать: «Знаю, знаю, говорит, мы в эти дела не входим». Я было заговорила, что я благородная: «Вам, говорит, сказано, кажется; ну, и довольно с вас; мне теперь некогда, а пожалуйста в другое время». А сам закричал на парня, который у двери стоит: «Ты, говорит, что смотришь! Вперед не допускать до меня просящих!» Так мы со стыдом и вышли. Прошли немного, только глядим, этот купец догоняет нас. Поклонился так учтиво и стал расспрашивать. Расспросил все подробно и адрес записал; я, говорит, навещу вас сегодня вечером из городу. Как у меня, говорит, своих детей нет, то я желаю быть этой девушке благодетелем. И дает мне десять рублей.

Мигачева. Однако же это довольно хорошо.

Не было ни гроша, да вдруг алтын. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru
Фетинья. Надо ж куда-нибудь им деньги-то девать.

Анна. Потом поговорил немножко с Настенькой, так хорошо, солидно и ей дал пятнадцать.

Мигачева. Ах, скажите!

Фетинья. Мало ль проказников-то!

Анна. Еще по мелочи рублей шесть набрали.

Мигачева. А ведь, поди, чай, все мужу отдала, себе ничего не оставила?

Анна. Конечно, все; как ему не отдать, он из души вытянет. Настенька истратила кой-что на себя; а рублей пять все-таки у ней он отнял.

Мигачева. Теперь уж у него не выпросишь. И всю-то жизнь ты с ним так маешься?

Анна. Всю жизнь. Он сначала, еще когда молодой был, точно пришиб меня чем-нибудь. Жила я с ним вместе, а никогда не знала, есть у него деньги или нет. Бывало, мне со стороны говорят: «Хорошо твое житье, сколько твой муж грабит». – «Не знаю, говорю, не вижу у него денег, видно, где-нибудь на стороне проживает». И после, когда он дом, лошадей и все наше заведение продал, я у него спрашивала: «Михей Михеич, где ж деньги-то?» – «В долги, говорит, роздал, в долгах пропали». И точно, был разговор, что он деньги за большие проценты займы давал; только получал ли он их обратно, не знаю. Верите ли, двадцать пять лет я за ним замужем, а как прежде в его кабинет не смела войти и не была там ни разу, так и теперь в его каморку глазом заглянуть не смею. Войдет – запрется и выйдет – на два замка запрет.

Фетинья. Только сам себе свой, а то все чужие. Бывают такие-то идола.

Анна. Так я всю жизнь в своих руках денег и не видала. Извините, что я вас беспокоила насчет самовара. Да вот вы обещали; так уж не одолжите ли платочка на плечи накинуть?

Мигачева. Ничего, что вы! Елеся, подай мой ковровый.

Елеся уходит.

Али вы кого ждете? Кажись, гостей-то у вас не бывало прежде.

Анна. Какие гости! Настенькин знакомый, молодой человек, благородный...

Мигачева. Благородный?

Анна. Богатый человек, хорошей фамилии.

Мигачева. Скажите!

Анна. Он познакомился с Настенькой, когда она жила у крестной матери.

Мигачева. Не он ли сватался?

Анна. Он самый. Хочется принять получше; ведь может быть... А то, сами подумайте, куда нам с ней деваться!

Мигачева. Конечно, конечно. Дай бог!

Входит Елеся с платком.

Да вон Елеся вам все приготовил и платок принес.

Не было ни гроша, да вдруг алтын. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru
Анна (Мигачевой). Благодарю покорно. (Фетинье.) А ваш платочек извольте.

Фетинья. Да ведь завтра, чай, опять потреплетесь, так понадобится. А мне что за крайность! У меня этой дряни много.

Анна уходит.

Явление четвертое
Мигачева, Фетинья.

Мигачева. Набрали христа-ради да и закутили.

Фетинья. Я слушаю да только помалчиваю. С чем сообразно: сами милостыню просят, а жених благородный, видишь ты, хорошей фамилии.

Мигачева. Да, может, он не знает их похожденияев-то.

Фетинья. А вот надо с них форс-то сшибить.

Мигачева. Это даже и очень можно.

Фетинья. Мы вот и с деньгами, да своей Ларисе жениха не найдем, а они нищие, да за благородного норовят. Каково слушать-то!

Мигачева. Само собой. Ну, да ведь у нас не взыщите, мы так одолжим, что чудо.

Фетинья. Счастье вот людям! А уж я б свою, право, и без разбору отдала.

Мигачева. Куда торопиться-то?

Фетинья. Как ты говоришь! Одно дело, девке удержу нет, а другое, нам зять в дом нужен. Сам стар, торговля у нас опасная.

Мигачева. А и выгодна ваша торговля, нет ее лучше.

Фетинья. Еще бы. Само собой, что мы овощную и погребок только для виду держим; а настоящий наш товар темный.

Мигачева. Тут глаз да и глаз нужно.

Фетинья. Да и хлопотно. Эти самые люди приходят к нам на рассвете; ночью-то они на промысле. Ну, старику-то и тяжело. Кабы зять, так одну ночь сам, а другую зять; да вот нет избранников.

Мигачева. Вы об женихах, а я об невестах. Женила б вот Елесю, да какого лысого беса за него отдадут!

Фетинья. Зачем лысого!

Мигачева. А то какого же?

Фетинья. Нет, он не об лысом думает.

Мигачева. О каком же? Где еще ему! Он младенец.

Фетинья. Младенец-то младенец, а по чужим садам лазит.

Мигачева. Охота у него.

Фетинья. И я говорю, что охота.

Мигачева. Птиц сетью накрывает.

Фетинья. Не он накрывает, а я его накрыла и с птицей вместе. Только птица-то большая, больше тебя ростом будет.

Не было ни гроша, да вдруг алтын. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Мигачева. Матушка, виноваты! Ах, упаду. Ах, он разбойник! Погубил он мою голову.

Фетинья. Не твою, а мою. Узнает Истукарий Лупыч, кого причесывать-то будут? Не тебя, а меня. Так уж вот что! Вы мне не противны, а сам-то, пожалуй, тоже не прочь. Он об своей дочери невысокого мнения, а так надо сказать, что и за человека ее не считает, так много спорить не будет. Конечно, Елеся против нашего звания и приданого жених низменный; да, видно, уж судьба. Вели ты сыну одеться почище, да приходите к нам, не мешкая. Какое-нибудь решение нам выдет: либо мне быть битой, либо нам свадьбу пировать...

Мигачева (целуя в плечо Фетинью). Матушка, благодетельница! То-то мне нынче во сне-то...

Фетинья. Ну, да уж и я сон-то...

Мигачева. Чему быть-то, так уж, видно...

Фетинья. Да вот, на грех-то мастера нет. Прощай покуда! Приходите скорей, пока сам дома.

Мигачева. Прощайте, приятная моя! Мы мигом.

Входят Елеся с самоваром, Анна и Настя. Фетинья уходит в лавку.

Явление пятое
Анна, Настя, Мигачева, Елеся.

Елеся. Кипит.

Мигачева. Брось скорей! Поди, чисти сертук; в гости зовут.

Елеся. Везде поспею. (Уходит в калитку, Мигачева за ним.)

Настя. Он писал, что ровно в четыре часа...

Анна. А к вечерне уж звонили.

Настя. Что я с ним буду говорить? У меня в голове все перепуталось. Мне хочется и плакать и смеяться. Я готова прыгать и хлопать в ладошки, как глупый ребенок в большой праздник; а что мне нужно, мне того не выговорить.

Анна. Мы прежде послушаем, что он скажет.

Настя. Тетенька, вы шаль-то вот так. (Поправляет платок на тетке.) Да пожалуйста, как можно поделикатней!

Анна. Ну, уж как умею. Лгать-то я не мастерица.

Настя. Нам бы как-нибудь, тетенька, припрятать свою бедность-то, чтоб не очень уж сразу-то.

Анна. Постараюсь.

Настя. Тетенька, он идет.

Анна. Поди, встретить его.

Входит Баклушин.

Явление шестое
Анна, Настя, Баклушин.

Настя. Вы-таки пришли. Ну, уж нечего с вами делать! Милости просим. Пожалуйте сюда!

Не было ни гроша, да вдруг алтын. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Баклушин. Куда же?

Настя. А вот сюда, под деревья. Здесь лучше, чем в комнатах.

Баклушин. Как? На улице? Это довольно оригинально.

Настя (представляя Баклушина). Модест Григорьевич Баклушин! Тетушка моя, Анна Тихоновна.

Баклушин кланяется.

Анна. Садиться не угодно ли?

Баклушин садится.

Настя (наливая стакан чаю). Не прикажете ли чаю?

Баклушин. Покорно вас благодарю. (Берет стакан.)

Настя. Не знаю, хорошо ли я хозяйничаю. Право, так неожиданно. Сладко ли я вам налила?

Баклушин. Превосходно. Отличный чай, отличные сухарики.

Настя. Ах, нынче и погода какая! И все так... Не угодно ли вам еще?

Баклушин. Позвольте. (Подает стакан.)

Настя (наливая). Ах, как мне весело, что мой чай вам нравится. Мне так это приятно слышать от вас. (Подает стакан.) Не правда ли, у нас хорошо? Мы живем конечно, небогато, но зато тихо, покойно. Мне, право, здесь так весело.

Входит Елеся в жилете с сертуком в руках.

Явление седьмое

Анна, Настя, Баклушин, Елеся, потом Мигачева.

Настя. Никто нас не трогает, никто нам не мешает.

Елеся (вешает сертук на дереве подле стола и начинает чистить).

Чижик-пыжик у ворот,
Воробушек маленький.

Настя (сконфузившись). Конечно, соседи у нас люди простые. (Елесе.) Елеся, вы бы дома сертук-то чистили. (Баклушину.) Но все нас так уважают.

Елеся. Очень нужно дома-то пылить.

Настя (почти сквозь слезы). А на нас-то зачем пылите! Отойдите по крайней мере.

Елеся. Ничего-с, кушайте чай, вы мне не мешаете.

Баклушин. А он чудак порядочный!

Настя. Не обращайтесь на него внимания, он малоумный.

Елеся. Уж и сертучок, Настасья Сергевна. (Надевает сертук.)

Настя. Оставьте меня!

Елеся. Да вы поглядите! (Поворачивается кругом.) Красота! Великонек немножко, да

Не было ни гроша, да вдруг алтын. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru не перешивать же! Авось вырасту; что доброе-то портить!

Входит Мигачева, принарядившись очень пестро и без вкуса.

Баклушин. Это что за явление?

Настя. Это его мать! Она очень хорошая женщина! Учтивая, обязательная.

Мигачева (Елесе). Скоро ль ты, чучело гороховое?

Елесея. Готов. Совсем Максим, и шапка с ним.

Мигачева (проходя мимо Насти). Чай да сахар всей компании. Ох, не очень ли важно вы расселись-то. (Уходит в сад, Елесея за ней.)

Настя (сквозь слезы). Это ужасно! Я не знаю, за что они нынче все обижают меня. А все-таки здесь хорошо.

Баклушин. Нет, Настасья Сергевна, не утешайте себя, вам здесь нехорошо. Напрасно вы оставили вашу крестную маменьку.

Настя. Разве я сама ее оставила! Она начала меня упрекать: «Что ты все хорошеешь!» Ну, а что же мне делать! Я не виновата. Стала меня одевать похуже, а я все-таки лучше ее дочерей. Рассердилась за это да и прогнала меня.

Баклушин. Да, так вот что! Ну, теперь для меня дело ясно.

Анна. Да, ни за что обидели девушку. Да и нам-то какая тягость! Мы и сами-то с куска на кусок перебиваемся, а тут еще ее нам на шею спихнули.

Настя (с упреком). Тетенька!

Анна. Что, Настенька, скрываться-то, коли он тебе знакомый! Пусть уж все узнает. Кабы с рук ее сбыть, вот бы перекреститься можно.

Баклушин. Сбыть! Точно вещь какую. А куда же сбыть ее вы думаете?

Анна. Кроме как замуж, куда ж она годится! Ничего она не знает, ничего не умеет.

Баклушин. Неприятное положение! Надо подумать об этом серьезно. Что же вы делаете?

Настя. Так, кой-что.

Баклушин. Не кой-что, вам надо трудиться! Вы хоть бы уроки давали.

Настя. Чему? Я сама ничего не знаю. Вы видели, как меня воспитывали. Меня учили только тешить гостей, чтоб все смеялись каждому моему слову; меня учили быть милой да наивной; ну, я и старалась.

Баклушин. Да. правда. Ну, так вот что: сами учитесь! Да учитесь прилежней.

Анна. Оно, точно, хорошо; только, пока учишься, надо кушать что-нибудь.

Баклушин. И то правда.

Анна. Богатые думают об ученье, а бедные о том, чтоб только живу быть.

Настя. Постойте, погодите, тетенька! Дайте нам поговорить. (Отходит к стороне и манит Баклушина.) Подите сюда на минуточку!

Баклушин (подходя). Что вам угодно?

Настя. Можно вас об одном спросить?

Баклушин. Спрашивайте, что хотите!

Не было ни гроша, да вдруг алтын. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Настя (тихо). Вы меня любите по-прежнему?

Баклушин. Больше прежнего.

Настя. Ах, как это хорошо!

Баклушин. А вы?

Настя. Про меня-то что и говорить! Кого ж мне и любить, как не вас? Так смотрите же!

Баклушин. Что смотреть-то?

Настя. Не обманите меня.

Баклушин. В чем? Я вам ничего не обещал.

Настя. Вы обещали меня любить, а это мне дороже всего.

Баклушин. Если я вам так дорог, отчего же вы давеча не хотели сказать мне своей квартиры?

Подходят к столу.

Настя. Я боялась, что вы войдете к нам, увидите нашу бедность и разлюбите меня. (Плачет.)

Баклушин. А плакать-то об чем?

Настя. Мне стыдно.

Баклушин. А зачем же стыдиться бедности?

Анна. А то чего же стыдиться-то! Есть ли что еще хуже, обидней бедности, ообенно для молодой девушки?

Баклушин. Мало ль что есть хуже бедности!

Анна. Вы посмотрите хорошенько на людей-то! Многие ль стыдятся того, что хуже-то, а бедности-то всякий стыдится. Вы сами бедности не знаете, оттого не по-людски и судите.

Настя. Оставьте, тетенька, этот разговор. Вы опять за то же. Я так счастлива, что Модест Григорыч у меня в гостях! Можно нам теперь хоть ненадолго и забыть про свое горе.

Баклушин. Вот теперь вы очень мило рассуждаете. Позвольте за это поцеловать вашу руку!

Настя. Ах, извольте, извольте!

Выходят из сада Фетинья, Мигачева, Лариса и Елеся.

Явление восьмое

Анна, Настя, Баклушин, Фетинья, Мигачева, Лариса и Елеся.

Фетинья. Ишь, блаженствуют! Ну, не обида это?

Мигачева. А вот я сейчас осажу их. (Подходит к столу.) Уж вы очень проклажаетесь за чужим-то самоваром. Нам самим нужно, у нас тоже гости; они хоть и не благородные, а пожалуй, что и почище будут. Бери, Елеся!

Не было ни гроша, да вдруг алтын. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Елеся берет самовар и уносит.

Настя. Что с вами? За что вы нас обижаете?

Мигачева. Уж не взыщите! За свою собственность всегда могу.

Настя. Нам он был уж не нужен, мы бы и сами вам отдали.

Мигачева. Ну, еще когда вас дождешься, а так-то лучше. Да и платок-то бы отдали. Что щеголять-то в чужом.

Анна (отдавая платок). Возьмите!

Настя. Ах, какой стыд, какой стыд!

Лариса (подходя к Насте). Здравствуйте, Настенька!

Настя (отворачиваясь). Здравствуйте!

Лариса. Это ваш жених? Даже очень недурен.

Настя. Какой жених! У меня нет жениха.

Лариса. Ах, напрасно. Вы не должны от нас скрываться, формально все доказывает, что этот самый и есть ваш жених.

Настя. Оставьте вы меня!

Лариса. Коль скоро вы ходите по лавкам собирать на приданое и даже бумагу для этого выправили, как же вы можете быть без жениха? Потому вы не должны народ обманывать.

Настя. Ах, ах! (Закрывает лицо руками.)

Лариса. А вдруг и мы хотим дать вам рубль серебра и говорим: «Окажите нам вашего жениха для видимости. Может, с вашей стороны обман!» (Отходит к Фетинье.)

Настя стоит как убитая.

Фетинья. Ай да Лариса! Она, нет-нет, да и скажет словцо!

Лариса. Что ж, вы воображаете, что я совсем без образования? Но как много вы о своем дитя ошибаетесь. (Важно уходит в калитку, Фетинья и Мигачева за нею.)

Явление девятое

Баклушин, Анна, Настя.

Баклушин. Что это значит? Куда я попал?

Настя (складывая руки и умоляющим голосом). Простите меня!

Анна (берет ее за руку). Полно ты, полно! Что за оправдания! Ну, пошли, так и пошли. Надо чем-нибудь кормиться.

Баклушин. Можно ли, можно ли? У меня руки опускаются. Что мне думать о вас?

Настя. Вы меня разлюбите?

Анна. Да что за беда такая! Дядя и свидетельство достал и приказал ей идти, потому что кормить лишнего человека нам нечем, – мы сами часто не евши-с сидим. Вот и все. Она не смела не идти.

Баклушин. Вы говорили, что для молодой девушки ничего нет хуже, обидней бедности. Просить, побираться, милостивая государыня, вот что хуже бедности.

Не было ни гроша, да вдруг алтын. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Анна. Это не хуже бедности, милостивый государь, это самая бедность-то есть. Сначала просить, потом воровать...

Баклушин. Что за ужасы! Что вы ее пугаете! Вам еще далеко до крайности, вы пьете хороший чай.

Настя. Ах, этот чай! Вся и беда-то от него. Послушайте! Вы писали, что придете ко мне, а у меня решительно ничего не было, нечего и заложить; а мне хотелось вас чаем напоить, вот я и пошла. Я не знала, что это так дурно.

Баклушин. Так вы это для меня? Благодарю вас. Но вот что, Настасья Сергевна: коли денег нет, так работать надо, работать, а не милостыню просить.

Анна. А вы думаете, мы сложа руки сидим? Мы чуть не ослепли от работы. Да что стоит наша работа, когда мы ничего не умеем. Мы на хлеб не вырабатываем.

Баклушин. По-моему, уж лучше в горничные идти.

Настя. Тетенька, вон что говорят. Найдите мне место, я пойду в горничные.

Анна. Мало ль что говорят, а ты слушай всех. Где тебя держать будут? Тебе рубля в месяц не дадут. Ты и утюга-то в руки взять не умешь. (Баклушину.) Вы видите наше положение, вы ее любите; вот вам бы и помочь бедной девушке.

Баклушин. Чем же я могу?

Анна. Ведь вы холостой?

Баклушин. Холостой.

Анна. Женитесь!

Настя. Тетенька, перестаньте.

Анна. Что за церемонии! Спасите ее, ведь погибнет.

Настя (с испугом). Тетенька, разве я погибну?

Анна. Погибнешь, душа моя. Не ты первая, не ты последняя.

Настя. Ах, как страшно! (Баклушину.) Так спасите меня!

Баклушин. Ангел мой, я люблю вас, но жениться было бы безумие с моей стороны. У меня ничего нет. Жалованья мне только хватает на платье, да и то я чуть не всем портным в Москве должен. Я сам ищу богатой невесты, чтоб поправить свои дела.

Анна. Да, вот что?

Настя. Хорошо же вы меня любите!

Баклушин. Вас-то я люблю очень.

Настя. А себя больше?

Баклушин. Немножко больше.

Настя. Бог с вами! (Отворачивается и плачет.)

Баклушин (берет ее за руку). Ну, перестаньте, Настасья Сергевна! Настенька! Ну, рассмейтесь! Ну, агуношки, дитя мое милое! Ну, какой я муж? Я ведь шалопай совершеннейший. Ну, рассмейтесь!

Настя улыбается.

Анна. А, так вы шалопай? Да, я вижу. Ну, а нам не до шутовства! Мне слушать

Не было ни гроша, да вдруг алтын. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru больно. У нас забота о насущном хлебе, а вы хотите смешить нас! Ей не агунюшки нужны! Ей нужен теплый угол да кусок хлеба. Вот подойдет осень, этому ребенку и надеть-то нечего, и кушать-то нечего, и жить-то негде. Если дядя и не погонит, так она в нашей сырой конуре умрет через неделю. Мы на вас надеялись: она, бедная, последние деньжонки истратила, чтоб принять вас поприличнее.

Баклушин. Я бы рад всей душой помочь Настасье Сергевне, но у меня есть одно ужасное обстоятельство, которое связывает мне руки. Ах, если б вы знали!

Анна. Разговор короток. Ей помощь нужна настоящая, а вы, как я вижу, ровно ничем ей помочь не можете.

Баклушин. Отчего же ничем? Дружеским участием, советом.

Анна. Отчего это богатым никто ничего не советует, а все только бедным? Как будто у бедных уж и ума нет. У нас, бедных, только денег нет, а ум такой же, как и у вас. Что нынче за свет такой! С наставлением набивается всякий, а денег никто не дает.

Баклушин. Где мне взять денег! Мне самому не хватает. Разве малость какую-нибудь!

Анна. Да хоть и малость, все-таки ей помощь. У ней ведь уж чисто ничего.

Настя. Тетенька, я от него не возьму ни за что.

Анна. Ты не возьмишь, я возьму. Коли теперь с вами нет, занесите как-нибудь. Доброе дело сделаете.

Баклушин. Непременно занесу, непременно. Ох, этот ростовщик проклятый, опутал он меня по рукам и по ногам. А я, знаете ли что, я все-таки подумаю; может быть, ведь...

Анна. Подумайте! Душу-то ее пожалейте! А то ведь я... уж там суди меня бог! Я с голоду умереть ей не дам. Я знаю, что такое голод.

Баклушин. Прощайте, мой милый ребенок. Я вот что, я к вам сегодня же зайду.

Настя. Приходите!

Баклушин раскланивается и уходит.

Явление десятое
Анна, Настя.

Анна. Ну, видела я теперь твоего знакомого довольно хорошо. Надо бы тебя поругать хорошенько, да уж и жалко.

Настя. За что?

Анна. Истратила ты свои последние деньжонки, а что толку! Послушай-ко ты меня! Выкинь ты его из головы вон.

Настя. Да ведь он сказал, что еще подумает.

Анна. Ну, да, как же! Будет он думать, нужно ему очень! А коли и будет, так ничего не выдумает. Ему бы только болтать о пустяках, вот его дело. Много таких-то по Москве бегают, да не очень-то они нам нужны. Мы иной день не евши сидим, а он придет с разговорами только оскомину набивать. И не надо его, и бог с ним.

Настя. Ах, не прогнать же его!

Анна. Отчего ж не прогнать; и прогоним. Вот он нынче придет; я тебя научу тогда, что ему сказать. Поверь, что он больше и не заглянет к нам. Да и хорошо бы. Какая от него польза? На что он нам? Сбивать тебя с толку? Так у тебя и то его

Не было ни гроша, да вдруг алтын. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru немного. А тебе, душа моя, пора самой думать о себе, да, ох, думать-то хорошенько. Ребячество твое кончилось, миновалось.

Настя. Я знаю, что оно миновалось.

Анна. Нет, плохо знаешь! Все еще ты ребячишься. А ребячиться тебе уж не то что стыдно, а как-то зазорно глядеть-то на тебя. Богатая девушка прыгает, так ничего, весело; а бедная скачет, как коза, так уж очень обидно на нее. Что было, то прошло, того не воротить; а впереди для тебя – нечего мне скрывать-то – и сама ты видишь, ничего хорошего нет. Жить с нами в нищете, в холоде, в голоде тебе нельзя. И остается тебе...

Настя. Что мне остается?

Анна. Что тебе остается-то? Бедная ты, бедная! Лучше бы всего тебе теперь...

Настя. Что, тетенька?

Анна. Что? Умереть, вот что.

Настя. Ах, умереть...

Анна. Да. Я об тебе и плакать бы не стала. В могилку-то тебя как в постельку бы положила.

Настя. Страшно, тетенька! (С криком.) Ах, страшно, страшно! Холодно. Повезут меня на этих черных дрогах... такие страшные! Лежать в могиле, а все живут!.. Мне жить хочется, я такая молоденькая.

Анна. Ох, жить! Да ведь уж нечего делать! Бог смерти не дает, так, видно, жить надобно. Только я уж тебе сказала, что жить так, как мы живем, тебе нельзя. Да и что за напасть! Ты такая хорошенькая, тебе можно жить и лучше.

Настя. А как же?

Анна. А вот в сумерки придет купец... Дело-то ясное; я давеча тебе всего не сказала, что он со мной говорил.

Настя (закрывая лицо руками). Ах, ах! Нехорошо!

Анна. Да, нехорошо. Что дурное хвалить! А где ж взять для тебя хорошего-то? Тебе его в жизни и не дожидаться никогда. Уж худого-то не минуешь. Так из худого-то надо выбирать, что получше.

Настя. Дайте мне подумать.

Анна. Думай, Настенька, думай, душа моя, хорошенько. Хуже всего, коли руки опустишь. Затянешься в нашу нищенскую жизнь, беда! Думай теперь, пока еще в тебе чувства-то не замерли, а то и солдатской шинели будешь рада.

Настя. Ай, что вы! Нет, нет!

Анна. Ходить по домам побираться, то кусочек сахарцу занять, то огарочек свечки; подбирать на чужих дворах щепочки, чтоб вскипятить горшок пустых щей...

Настя. Ах нет, нет! Не говорите, замолчите! (Подумав.) Тетенька!

Анна. Что, душа моя?

Настя. А много девушек умирают... от бедности, от горя?

Анна. Довольно-таки.

Настя. А много и таких...

Анна. Каких?

Настя. Ах, как стыдно!

Не было ни гроша, да вдруг алтын. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Анна. Ох, много, много!

Настя. И все смеются над ними, презирают, обижают их... бедных?

Анна. Есть, кто и пожалеет; только мало христианства-то в людях.

Настя. И ведь никому-то, никому, кто на тебя косо взглянет, кто от тебя отворотится, рассказать нельзя, объяснить нельзя, что тебе только и оставалось или смерть или такая жизнь.

Анна. Думай, Настенька! Времени остается нам немного; купец придет скоро, – надо будет ему сказать что-нибудь. Да ты не забудь и того, что завтра нам опять идти собирать; а если ты не пойдешь, так дядя тебя прогонит из дому.

Настя. Помогите мне, посоветуйте!

Анна. Нет, мой друг, я греха на душу не возьму. И не слушай ты никого, будь ты сама над собой большая. А я ни советовать тебе, ни осуждать тебя не стану. Хочешь ты, живи...

Настя. Да, тетенька, простите меня, не презирайте меня, мне хочется пожить получше! (Прилегает на грудь к Анне Тихоновне.)

Анна. Бог тебя простит; я тебе не судья.

Действие третье

Лица
Крутицкий.

Анна.

Настя.

Фетинья.

Лариса.

Мигачева.

Елеся.

Петрович.

Баклушин.

Разновесов, солидная личность.

Декорация та же. Летние сумерки.

Явление первое

Выходят: Елеся из своей калитки с кистью и ведром краски, Петрович из лавки.

Петрович. За мастерство?

Елеся. За мастерство, друг. Не так живи, как хочется, а как люди приказывают.

Петрович. А тебе как хочется?

Елеся. Чего лучше не бывает, вот как.

Петрович. Дело-то о поцеловании купеческой дочери мировой кончили?

Елеся. Еще какой мировой-то! Жених, брат, я. Вот пословица-то: не родись умен, не родись пригож, а родись счастлив.

Не было ни гроша, да вдруг алтын. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru Петрович. На грех-то, говорят, и из палки выстрелишь.

Елеся. Именно, брат. Не надеялся, нечего сказать.

Петрович. Чудеса!

Елеся. Вот поди ж ты.

Петрович. На баб-то дивиться нечего, на них куричья слепота бывает, а как же это сам-то! Он тебя не в первый раз видит; дарование и образование твое ему известны.

Елеся. Сам ничего, сам меня любит. Знаешь за что? У тебя, говорит, характер хорош, легок; если тебя когда счетами по затылку, ты не обидишься.

Петрович. Что тут обидного?

Елеся. Само собой. Русская пословица: за тычком не гонись! Так-то, Петрович, за тычком не гонись!

Петрович. Верно твое слово. Да и нечему дивиться, что, не доглядя, тебя за человека приняли; ты вот чему подивись!

Елеся. Чему, друг?

Входит Крутицкий, останавливается у своего крыльца и прислушивается.

Явление второе

Елеся, Петрович и Крутицкий.

Петрович. Я вчера Михея видел в совете опекунском.

Елеся. На подъезде с нищими? У него, гляди, там место откуплено.

Петрович. То-то нет. В зале стоит у окошечка. Кладет ли он, вынимает ли, уж не рассмотрел, а в руках у него деньги видел.

Елеся. Он ли, полно?

Петрович. Верно. А и то сказать, и удивляться-то нечего! Сколько лет он процентщиком-то был!

Елеся. Слышали мы, брат, слышали; да что ж у него денег-то не видать?

Петрович. Увидишь ты, как же! Ишь ты у него решетка-то какая крепкая. Кабы денег не было, зачем бы ему за железной решеткой жить.

Елеся. Значит, свою осторожность наблюдает?

Петрович. Наблюдает. У него, говорят, и дверь-то внутри железная, двумя замками запирается. Только нет таких замков, Елеся, которых бы отпереть нельзя было. Ключ не подойдет, так разрыв-трава есть на то.

Елеся. Да и надо этих процентщиков грабить, братец ты мой, потому не пей чужую кровь.

Петрович. Да и не забывают их: это грех сказать. Что ни послышишь, того убили, другого ограбили.

Елеся. Все ж таки, брат, лучше, ничем честных людей.

Петрович. Ну, друг, у воров этого расчета нет. Вор ворует, где ему ловчее, а конечно, и того не забывает, что у процентщика сразу много зацепить можно. Про Михея, должно быть, наши мастера еще не знают, а прослышат, так не миновать и ему. Да уж, кажется, своими бы руками помог, так я на него зол.

Не было ни гроша, да вдруг алтын. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru
Елеся. За что, про что?

Петрович. Есть тому причина. Еще когда он служил, так попался я по одному казусному делу, по прикосновенности. Человек я тогда был состоятельный, дела вел большие, конкурсами занимался. Не Петровичем меня звали-то, а Иваном Петровичем Самохваловым.

Елеся. Ну, и что же, друг единственный?

Петрович. Ну, и спрятал он меня в каменный мешок, что острогом зовут. Томил, томил, сосал, сосал деньги-то, да тогда только погулять-то выпустил, когда всего набело отчистил. В одном сертуке пустил. Век я ему не забуду. (Уходит в калитку.)

Михеич подходит к Елесе.

Елеся. Михею Михеичу наше почтение!

Крутицкий. Здравствуй, Елеся! А я вот целый день бродил; обещали мне помочь на бедность, да ничего не дали, так целый день даром и проходил.

Елеся. А я так слышал, что вас поздравить надо с получением, с большим получением.

Крутицкий (машет руками). Что ты закричал! Что ты закричал! Эх, Елеся! Ну, кто услышит, и убьют меня. Убить-то убьют, а найдут у меня грош; старичка за грош и убьют, даром душу и загубят. Тебе кто сказал (тихо), что я деньги получил?

Елеся. Петрович сказал.

Крутицкий. Хороший человек Петрович, я его люблю. Ты ему скажи, что я его люблю. Только он ошибся.

Елеся. Да нечто я ему верю!

Крутицкий. Ошибся он; долго ль ошибиться! Дельный человек этот Петрович, дельный.

Елеся. Еще какой делец-то! По судам ходит, дела охлопатывает.

Крутицкий. Да, да.

Елеся. Пачпорта пишет.

Крутицкий. Да, да... А кому он их пишет?

Елеся. Стало быть, кому нужно. Правой рукой пишет, левой руки прикладывает.

Крутицкий. Хорошее занятие, доходное. Хороший человек Петрович, дельный... А воров он знает?

Елеся. Первый друг им всем. Вот здесь в лавочке по ночам пачпортами и торгует. У него и печати всякие есть.

Крутицкий. И жилец он исправный, на квартире его держать хорошо.

Елеся. Что ж его не держать! За квартиру платит. Скоро нас тут, Михей Михеич, одна компания будет, потому меня лавочник в зятя берет.

Крутицкий. Хорошая компания, хорошая. Все вы хорошие люди. А я вот нынче, Елеся, гривенничек было потерял. Как испугался! Потерять всего хуже; украдут, все-таки не сам виноват, все легче.

Елеся. Зато найти весело, Михей Михеич. Вот кабы...

Крутицкий. Кому счастье, Елеся. А нам нет счастья; бедному Кузинеке бедная и

Не было ни гроша, да вдруг алтын. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru песенка. Терять – терять, а находить – не находил. Очень страшно – потерять, очень! Я вот гривенничек–то засунул в жилетку, да и забыл; вдруг хватился, нет. Ну, потерял... Задрожал весь, руки, ноги затряслись, – шарю, шарю, – карманов–то не найду. Ну, потерял... одно в уме, что потерял. Еще хуже это; чем бы искать, а тут тоска. Присел, поплакал, – успокоился немножко; стал опять искать, а он тут, ну и радость.

Елеся. Да, Михай Михеич, нашему брату и гривенник деньги. Деньги вода, Михай Михеич, так сквозь пальцы и плывут. Денежка–то без ног, а весь свет обойдет.

Крутицкий. Бегают денежки, шибко бегают. Безумия в мире много, оттого они и бегают. Кто умен–то, тот ловит их да в тюрьму.

Елеся. Хитро ловить–то их; это не то, что чижей, не скоро поймашь.

Крутицкий. Не скоро поймашь, не скоро. (Отходит к своему крыльцу.)

Елеся (начинает красить загородку своего сада).

Чижик–пыжик у ворот,
Воробушек маленький.

Крутицкий. Ай, ай, ай! Что я слышал–то, что я слышал! Что затевают! Что девают! Вот она, жизнь–то наша! Убить собираются, ограбить! Уберег меня бог, уберег. А я вот услышал, ну и спрячусь, сам–то и цел буду. Ну, и пусть их приходят, пусть замки ломают. Приходите, приходите! Милости просим! Немного найдете. Мы и дверей не запрем! Хорошо бы их всех, как в ловушку, а потом кнутиком. Иголочку бы с ниточкой мне поискать. Ну, да еще поспею. Приводи гостей, Петрович, приводи! А я пока вот в полицию схожу. (Уходит.)

Выходит из калитки Лариса.

Явление третье

Елеся, Лариса, потом Фетинья, Мигачева.

Лариса. Но как вы не аванжны!

Елеся. Умыться–то недолго; да ведь сколько ни умывайся, белей воды будешь. Медведь и не умывается, да здоров живет.

Лариса. Вы, пожалуй, и на крышу влезете.

Елеся. Что ж, Москву видней–с.

Лариса. Но когда же вы мной заниматься будете? К вам и подойти нельзя.

Елеся. Ничего–с, я со всякой осторожностью. Пожалуйте, здесь довольно свободно разговаривать можно.

Лариса подходит к нему. Выходят из калитки Фетинья и Мигачева.

Фетинья. Я, матушка, никогда не закусываю, этой глупой привычки не имею.

Мигачева. Вы такая умная, такая умная, что уж я и руки врозь.

Елеся (Ларисе). Однако наши старушки разговорцу–то себе прибавили.

Лариса. Одно для них развлечение, потому как они ко всему в жизни довольно бесчувственны.

Фетинья. Почему я умна?

Мигачева. Бог одарил.

Фетинья. Потому я женщина ученая.

Не было ни гроша, да вдруг алтын. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Мигачева. Уж одно при одном.

Фетинья. Я женщина ученая, очень ученая.

Мигачева. Другие б и рады, да негде им этого ученья взять.

Фетинья. Моему ученью ты не обрадуешься: я себе все ученье видела от супруга.

Мигачева. От супруга? Скажите!

Фетинья. Да, от супруга. Ты спроси только, чем я не бита. И кочергой бита, и поленом бита, и об печку бита, только печкой не бита.

Мигачева. Однако же...

Фетинья. Первая мне наука была за мои чувства, что чувствительна я до всего и сейчас в слезы. Вторая за характер.

Мигачева. Что ж, ваш характер очень даже легкий.

Фетинья. Не скажи ты этого, не скажи! Женщина я добрая, точно... и если б не мой вздорный характер, дурацкий, что готова я до ножей из всякой малости, кажется, давно бы я была святая.

Мигачева. Вспыльчивы?

Фетинья. Вот за это-то за самое.

Мигачева (Елесе). Что ты носишься с ведром-то, слоны-то продаешь! Красил бы поскорее, да и к стороне. Наговориться-то после успеете.

Лариса (Елесе). Оставьте эти слова безо внимания.

Елеса. Любовь, маменька.

Мигачева. Ну, любовь! Ты дело-то отделай сначала!

Елеса. Я, маменька, живо!

Мигачева. Да ты старательней!

Елеса. Что тут! Не живопись какая! Я, маменька, сразу, я вот как. (Поет.) Танцуй, Матвей. (Красит машинально, переговариваясь и пересмеиваясь с Ларисой.)

Фетинья (садясь на скамью у калитки). И сама я не похваляю свой характер; из-за малости, вот из-за малости, готова я съесть человека. Приятна ты мне, а задень меня чем-нибудь... Присесть, устала. (Садится на скамью подле загородки.)

Мигачева. Ах, вы поосторожней! Тут...

Елеса (одной рукой обнимает Ларису, другой красит, не глядя). Танцуй, Матвей. (Задевает Фетинью кистью по лицу.)

Фетинья. Уах! Батюшки! Что это такое?

Елеса. Не жалея лаптей. (Задевает еще.)

Фетинья. Ай!

Мигачева. Разбойник, что ты делаешь! Что сделал, погляди!

Елеса (взглянув на Фетинью). Окрасил. (Бросает кисть и с отчаянием опускает руки.)

Мигачева (Фетинье). Матушка, Фетинья Мироновна, утритеесь! (Хочет утереть ее.)

Фетинья. Не тронь, не тронь! Вотрешь, хуже будет, внутрь войдет. Ах!

Не было ни гроша, да вдруг алтын. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Мигачева. Матушка, умойтесь подите! Ручки, ножки буду целовать.

Фетинья. Нет! Вы будете красить, а я умывайся. Тебе хочется, чтобы знаку-то не было. Нет! Не хочу, не хочу. По всей Москве так пойду, пусть люди смотрят.

Мигачева. Матушка, припадаем к стопам твоим! Умойся!

Фетинья. Нет, по улицам пойду, по всем переулкам пойду. Вот призрели нищих, а они на-ко что! Поняла я тебя теперь, очень хорошо поняла!

Мигачева. Да я-то чем же...

Фетинья (Елесе). Ты не то что в наш сад, и мимо-то не ходи, а то собак выпущу! (Мигачевой.) Поняла я тебя теперь довольно хорошо. Вот вы что, заместо благодарности. Да чтоб я забыла, да, кажется, ни в жизнь. (Ларисе.) Иди, говорят! Аль того ж дожидаться? Поводись с нищими-то, от них все станется. Окна-то на вашу сторону заколотить велю.

Лариса. Да пойдёмте, будет вам маскарад-то представлять. (Уходит.)

Фетинья. Вот еще выкормила чаду на свою голову. (Уходя.) Не забуду я вам обиды! До суда дойду. (Уходит.)

Явление четвертое
Мигачева и Елеса.

Мигачева (плача). Все ты, разбойник, нарушил, все ты нарушил.

Елеса. Вешайте! одно слово, вешайте! Удавить меня теперь одно средство!

Мигачева. Что мне проку вешать-то тебя, что проку? Ну, удавлю я тебя, ну, удавлю, да что толку-то будет? Отвечай ты мне, что толку-то, отвечай! Ну, не злодей ты для своей матери?

Елеса. Я, маменька, злодей. Я злодей. Теперь я сам вижу, что я злодей.

Мигачева. И не кажись ты мне на глаза отныне и до века! И к воротам ты не подходи! Хоть бы ты провалился куда, развязал бы мою голову. Нет вот на человека пропасти!

Елеса. А вдруг от слова-то станется!

Мигачева. Что еще с тобой станется, погубитель?

Елеса. Прочитаете в «Полицейских ведомостях».

Мигачева. Отвяжись ты с своими ведомостями! Провались ты и с ведомостями вместе! Не расстройвай ты меня больше! И так мне слез своих не проплакать. Вот тебе и счастье! Слово во сне видела. У, варвар! (Уходит.)

Выходит Петрович.

Явление пятое
Елеса и Петрович.

Елеса. Петрович, погибаю.

Петрович. Опять?

Елеса. Еще хуже.

Петрович. Иль уголовщина?

Елеса. Она самая. Фетинью Мироновну окрасил.

Не было ни гроша, да вдруг алтын. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Петрович. Каким колером?

Елеся. Да все одно.

Петрович. Нет, брат, разница.

Елеся. Сажей, друг.

Петрович. Худо!

Елеся. Голландской.

Петрович. Еще хуже. Ну, плохо твое дело! Ты бы лучше в какую-нибудь другую.

Елеся. Почему так, скажи, братец?

Петрович. Тут вот какой крючок! Окрась ты ее в зеленую или в синюю: можно сказать, что без умыслу. А сажа! Что такое сажа? Ее и в лавках-то не для краски, а больше для насмешки держат. Тут умысел твой видимый.

Елеся. Ответ велик?

Петрович. Велик. Что муж в гильдию платит, так за жену вдвое заплатишь, а кабы дочь окрасил, так вчетверо.

Елеся. Прощай, друг! Не скоро увидимся.

Петрович. Куда ты?

Елеся. Скитаться. (Убегает.)

Петрович входит в лавку. Из дома выходят Анна и Настя.

Явление шестое

Анна, Настя, потом Баклушин.

Анна. Он теперь, того гляди, придет, коль не обманет. Помни все, что я тебе говорила. Так прямо ему и режь. Об чем ты, дурочка, плачешь? Ведь уж все равно, долго он ходить к тебе не станет, скорехонько ему надоест, сам он тебя бросит. Тогда хуже заплачешь, да еще слава дурная пойдет. А тебе славу свою надо беречь, у тебя только ведь и богатства-то. Вон он, кажется, идет. Смотри же, будь поумнее! Богатым девушкам можно быть глупыми, а бедной девушке ума терять нельзя, а то пропадешь. (Уходит.)

Входит Баклушин.

Баклушин. Вот я и опять к вам.

Настя. Ах, это вы!

Баклушин. Да, я. Видите, как я держу слово.

Настя. Напрасно беспокоились. У вас, должно быть, времени некуда девать.

Баклушин. Чтоб видеть вас, я всегда найду время.

Настя. Неужели? А лучше бы вы не ходили, оставили меня в покое.

Баклушин. Что так? Что с вами?

Настя. Мне некогда занимать вас разговорами; я бедная девушка, мне нужно работать. Вы такой щеголь, вы любите одеваться хорошо, а хотите, чтоб я встречала вас в этом платье и не стыдилась! За что вы меня мучите? С меня

Не было ни гроша, да вдруг алтын. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru доволен и того, что я каждый день плачу, когда надеваю это рубище. Вы одеты вон как хорошо, а я – на что это похоже.

Баклушин. Ах, какое вы бедное существо!

Настя. Ну, вот бедная, так мне и нечего разговаривать с вами, а надо работать.

Баклушин. Ну, одну минуточку.

Настя. Да что минуточку! Вот мне завтра опять идти в город, у купцов просить.

Баклушин. Что вы, что вы! Послушайте! Вам нельзя оставаться в этом положении.

Настя. Я знаю, что нельзя; я и не останусь.

Баклушин. Как же вы поступить хотите?

Настя. Да вам что за дело. Вот были давеча деньги, истратила вот задаром...

Баклушин. Вы меня пугаете.

Настя. Хоть бы какие-нибудь деньжонки, а то ничего! Как это! Ни платья, ничего...

Баклушин. Мне страшно за вас. Вы в опасности.

Настя. Ну, что ж такое! Туда мне и дорога. Никому меня не жалко; никто меня не любит. Как это, ни башмаков, ничего...

Баклушин. Как бы мне хотелось помочь вам!

Настя. Ну, так что ж, за чем же дело стало?

Баклушин. Но как помочь, как?

Настя. Дайте мне тысячу рублей ассигнациями.

Баклушин. Не меньше?

Настя. Не меньше. Мне так нужно.

Баклушин. Но отчего же непременно тысячу, отчего не больше? Вам это слово нечаянно попало на язык, вот вы и говорите.

Настя. Вы думаете? Как же! Нет, нет, уж я знаю. Вот если не дадите тысячу рублей, ну, и...

Баклушин. Ну, и что же?

Настя. Ну, и разговаривать вам со мной, и видеть меня нельзя.

Баклушин. А если дам?

Настя. Тогда пожалуйста к нам, когда вам угодно. Да что, Модест Григорьевич, ведь у вас нет, так нечего и говорить.

Баклушин. И очень жалко, что нет.

Настя. И я жалею, да уж делать нечего.

Баклушин. Скажите, кто вас научил так разговаривать?

Настя. Что вы меня все еще за дуру считаете! Нет, уж извините! Да что мне разговаривать! мне некогда, меня тетенька забранит.

Баклушин. За что?

Настя. Что я не работаю. Хорошо разве тут с вами под забором-то стоять! Вам хочется, чтоб про меня дурная слава пошла?

Не было ни гроша, да вдруг алтын. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Баклушин. Ну, бог с вами! Прощайте! Будьте счастливы!

Настя. Покорно вас благодарю. А что ж, вы давеча обещали подумать-то? Подумали вы?

Баклушин. Извините! Обстоятельства такие, просто самому хоть в петлю.

Настя. Я так и знала. Ну, прощайте!

Баклушин медленно удаляется.

Что тетенька со мной сделала! Вот уж я теперь совсем одна в божьем мире. И точно вот, как я бросилась в море, а плавать не умею. (Входит на крыльцо и кланяется Баклушину, который стоит у лавки.)

Входит Разновесов и осматривается. На крыльцо выходит Анна.

Явление седьмое
Анна, Настя, Разновесов, вдали Баклушин.

Настя. Тетенька, куда вы?

Анна. Погляди, кто пришел-то! Встретить надо.

Настя. Вот он! Ах! Что же, что же вы скажете?

Анна. Что же мне говорить, Настенька? Я могу только попросить его, чтоб он не обижал тебя.

Настя. Да за что ж меня обижать! Я ведь беззащитна, совсем беззащитна.

Анна подходит к Разновесову. Настя стоит на крыльце в оцепенении.

Анна (Разновесову). Здравствуйте!

Разновесов (кланяется). Пожалуйте сюда к сторонке!

Анна. Вы бы в комнату пожаловали, посмотрели, как мы живем.

Разновесов. Нет, уж вы нас извините-с! Этот самый ваш домик-с? Плох-с. Отсюда вижу.

Анна. Да что ж хорошего на улице...

Разновесов. Нет, уж извините-с! Мы тоже осторожность свою знаем. Не зная-то, да в семейный дом неловко, – бывали примеры.

Анна. Хоть убейте, не пойму.

Разновесов. Меня тоже, так как слабости наши многим известны, записочкой пригласили в один дом.

Анна. Ну, так что же-с?

Разновесов. Ну, только что взошел, ту ж секунду расписку в пятьсот целковых и взяли. Можно и здесь; разговор не велик. Пожалуйте сюда, к сторонке. (Отходит к стороне и говорит с Анной тихо.)

Баклушин подходит к Насте.

Не было ни гроша, да вдруг алтын. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Баклушин. Что это за господин?

Настя. Ах, оставьте меня, отойдите! Зачем вы воротились? Зачем! Боже мой!
(Убегает в комнату.)

Разновесов (Анне). Уж это само собой-с, из рук в руки. И насчет вас мы тоже этот порядок знаем; вы не беспокойтесь! Ситчику темненького, а когда и шерстяной материи, недорогой; нынче эта фабрикация в ходу.

Анна. Покорно вас благодарю.

Разновесов. Насчет скромности очень нам желательно, чтоб разговору этого меньше.

Анна. Какой разговор! Чем тут хвастаться, батюшко, помилуйте!

Разновесов. Так-с, правду изволите говорить. А от нас уж разговору не будет, потому мы тоже опасность имеем от супруги, так как наша супруга, при всей их бестолковости, очень горячий характер имеют-с.

Анна. Уж вы поберегите.

Разновесов. Само собою-с. Дебошу от нас не ожидайте. У других это точно, что дебоширство на первом плане, потому в том вся их жизнь проходит, а мы совсем на другом положении основаны. Конечно, иногда, с приятелями...

Анна. Ох, уж с приятелями-то...

Разновесов. Ничего-с, сударыня, нельзя же. Иногда с обеда-с какого немножко навеселе: куда ж деться! А, впрочем, деликатно.

Анна. Знаю я вашу деликатность-то. Кто и видывал-то вас вдоволь, и тому глядеть на вас сердце мрет, а кто не видывал-то, подумайте! Да, кажется... Боже вас сохрани!

Разновесов. Однако ж мы себя ничем не доказали с дурной стороны.

Анна (горячо). Да если вы ее обидите, я с вами жива не расстанусь. Варваром надо быть, зверем, а не человеком.

Разновесов. Почему же так вы не верите нашей солидности?

Анна. За нее я, господи боже мой, я вас со свету сживу.

Разновесов. Мы, признаться сказать, при вашей бедности, от вас таких претензий не ждали. А коль скоро вы, еще не видя от нас ничего, ни худого, ни доброго... Так мы лучше все это дело оставим. Потому что ежели кляузы...

Анна. Какие кляузы! А жаль мне ее, бедную. (Плачет.)

Настя (выглядывая из двери, Баклушину). Что, ушел? Ушел?

Анна. Извините вы меня! У меня сердце поворачивается, ведь она сирота круглая. (Падает на колени.) Батюшко, отец родной! Ведь она голубка чистая! Грех вам будет ее обидеть!

Настя (на крыльце). Тетенька, тетенька, что вы! Вот бы когда умереть-то! Модест Григорьич! Модест Григорьич!

Баклушин подходит.

Дайте мне ножик! Дайте мне ножик!

Баклушин. Что вы, что вы! Успокойтесь!

Не было ни гроша, да вдруг алтын. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Анна (рыдая). Не погубите, вас бог накажет.

Разновесов (поднимая Анну). Что вы, помилуйте! Нешто мы не понимаем? Тоже чувства имеем. Будьте без сумления. Так уж завтрешнего числа пусть и перебираются, куда я сказал. На углу большой труппы и малого захолустья. Извольте знать?

Анна. Хорошо-с. Знаю.

Разновесов. Прямо на все готовое-с. Прощенья просим.

Анна. Прощайте!

Разновесов уходит.

Настя (бросаясь к тетке). Тетенька!

Анна. Ну, Настенька, не вини меня ни перед богом, ни перед людьми.

Настя. Нет, нет, за что же! Я сама. Я одна виновата, я, я, несчастная.

Баклушин. Настасья Сергевна, что это? Что с вами?

Настя. Оставьте, меня! Уж теперь, как бы я вас ни любила, я для вас навек чужая. Я куплена!

Баклушин (растроганный). Ах, боже мой, что вы делаете!

Настя (падая ни грудь тетке). Тетенька, я погибла, я погибла!

Анна (плача). Успокойся, мой друг, успокойся.

Настя (бросаясь на колени с поднятыми руками). Господи, ничего я не прошу у тебя! Одной смерти, только одной смерти!

Действие четвертое

Лица
Крутицкий.

Анна.

Настя.

Епишкин.

Фетинья.

Мигачева.

Елеся.

Петрович.

Лютов и два будочника.

Декорация та же. Рассветает.

Явление первое

Анна и Настя выходят из дому; Крутицкий в кустах сада Епишкина.

Анна. Михей Михеич, где ты бродишь?

Крутицкий (выходя из кустов). А? Кто тут? Кто тут? (Увидав Анну.) Ты зачем? Ты что не спишь? Ты спи, спи! Я стерегу.

Не было ни гроша, да вдруг алтын. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Анна. Отдохни немножко, ты старый человек.

Крутицкий. Нет, нет, ты поди спи, ты спи!

Анна. Да как мне уснуть-то! Ты всю ночь бродишь; Настя вот с вечера все металась да бредила, а теперь вот проснулась, плачет. Мы бы посидели на крылечке. А ты бы пошел, соснул.

Крутицкий. Нет, нет, я тут погуляю.

Анна. Ну, как хочешь. Сядь тут, Настенька! Ветром тебя обдует, лучше тебе будет.

Настя. Какой страшный сон! Я и теперь вся дрожу!

Анна. Да ты что видела, милая? Чего так испугалась?

Настя (в дремоте). Будто иду я по улице и вижу свои похороны. Несут меня в открытом гробе...

Анна. Ты засыпаешь, никак?

Настя. Нет. И сама я на себя смотрю. И все я будто прячусь от людей, все совещусь. Надета на мне шинель, старая, изорванная, и странно... какая-то она двуличневая. В одну сторону отливает одним цветом, каким уж – не помню, а в другую золотым... Спать хочется... Так и сквозит, просвечивает золото. И, как будто... (Засыпает, прислоняясь к плечу Анны.)

Анна. Ну, уснула.

Настя (во сне). Держите меня, не выпускайте!

Анна. Э, матушка, вот ты что заговорила. Настенька, проснись! Пойдем в комнату, там уснешь.

Настя. А? Что вы? Где я? Пойдемте!

Анна. Михей Михеич, мы пойдем домой.

Крутицкий. Идите, идите, я постерегу.

Анна. Что ты, Михей Михеич, все стережешь! Этак и в самом деле подумают, что у нас денег много. Еще убьют, пожалуй; с тобой до беды доживешь (Уходит, Настя за ней.)

Крутицкий. И убьют, и убьют. Чувствует, бедная.

Из лавки выходит Лютов.

Явление второе
Крутицкий, Лютов.

Лютов (в дверь лавки). Сделай милость, Истукарий Лупыч, не торгуй по ночам! Нехорошо. (Подходит к Крутицкому.) Ну, что?

Крутицкий. Не были, не пришли нынче. Что делать-то, не пришли.

Лютов. Да и не придут. Только вы полицию беспокоите.

Крутицкий. Нет, батюшка, Тигрий Львович, нет. Уж я вам их заманю, нарочно заманю. Я старый подьячий, я свое дело знаю. Разом всю шайку накроете, орден получите.

Лютов. Недурно бы.

Крутицкий. Верно, верно. Я сам слышал своими ушами, как они сговаривались.

Не было ни гроша, да вдруг алтын. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Лютов. Ну, теперь светло, я свою команду возьму. Надо квартал дозором обойти. (Подает руку Крутицкому.)

Крутицкий. Уж завтра-то не откажите, батюшка, батюшка. (Подобострастно берет обеими руками руку Лютова и несколько раз кланяется.) Возьмите теперь, возьмите.

Лютов дает свисток и уходит; два будочника выходят из кустов и издали идут за ним.

Я от старых сыщиков слышал: никогда ты вора не хватай прежде времени, не мешай ему, не мешай, а то он на суде отвертится. А ты дай ему дело сделать, дай ему простор, да тогда и бери его. Вот мы их впустим, да и дадим им время распорядиться... Ведь, может быть... Что делать-то! Что делать-то! (Утирает слезы.) Может быть, они Анну и тук! (Делает рукой жест, как рубят топором.) Что делать-то! Зато уж всех на каторгу, всех на каторгу. Жаль Аннушку, да что ж! Это смерть хорошая; все равно что мученица. Да, да. А воров-то на каторгу.

Входит Елеся.

Явление третье
Крутицкий, Елеся.

Крутицкий. Откуда ты?

Елеся. Где был, там нету, Михай Михеич!

Крутицкий. Что ж ты бродишь по ночам! Что ты бродишь?

Елеся. Будешь бродить, Михай Михеич, как из дому-то ухватом. Разве б я спать-то не умел? Да, видно, скачи враже, як пан каже. Вот и скачи по холодку-то и слоняйся, как вор.

Крутицкий. Да, как вор, как вор.

Елеся. А что у нас тут воров, Михай Михеич!

Крутицкий. Много?

Елеся. Страсть! Я всех знаю.

Крутицкий. Знаешь?

Елеся. Знаю, Михай Михеич. Я по ночам рыбу ловлю, так часто их вижу. И, как их увижу, сейчас с ними в разговор: «Здравствуйте, господа жулики!» А они мне: «Здравствуйте, господин Мигачев!» – «У меня, в моем переулке, чтоб честно и благородно!» – «Слушаем, Елисей Иваныч!» – «А то смотрите!» – «Будьте покойны, Елисей Иваныч!» Вот я как с ними! Я над ними командую, задачи им задаю. Видели у Ларисы собачку маленькую, лохматенькую? Это я ей подарил. Говорю: «Господа жулики!» – «Что угодно, Елисей Иваныч?» – «Вы, говорю, по разным местам за своим промыслом ходите, так уж вам кстати. Чтоб была мне, говорю, собачка, маленькая, лохматенькая, хвостиком вот так!» – «Предоставим, Елисей Иваныч». Через день готова в лучшем виде, так точно.

Крутицкий. Ты мне их укажи как-нибудь, чтоб мне их в лицо-то знать. Укажи!

Елеся. Извольте. Да вот сейчас все эти воры подле нас будут.

Крутицкий (с испугом). Где? Где?

Елеся. А вот сюда в лавочку один по одному соберутся. Квартальный ушел из лавки?

Крутицкий. Ушел.

Не было ни гроша, да вдруг алтын. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Елеся. Ну, так уж гляди, есть кто-нибудь.

Крутицкий. Как же я их не видал?

Елеся. У них с той улицы особый ход есть. У всякого плута свой расчет, Михей Михеич.

Крутицкий. Много их?

Елеся. Человек восемь. Сбудут свой товар Истукарию Лупычу да уж налегке и разойдутся по своим местам. Вон в окошечко смотрят.

Крутицкий. Куда смотрят?

Елеся. Дозор нейдет ли, да и на вас поглядывают.

Крутицкий (прячась за Елесю). На меня?

Елеся. Что, мол, такой за новый сторож проявился. Им тоже нужно сторожей знать; они тоже свою осторожность должны иметь.

Крутицкий. Я не стеречь, я так вышел, погулять, не спится.

Елеся. А дубина-то зачем с вами? Ха-ха-ха!

В лавке хохот.

Крутицкий (испугавшись). Я брошу ее, Елеся, брошу ее.

Елеся. Бросьте лучше; а то ведь она об двух концах. (Хохочет.)

В лавке хохот.

Крутицкий. Чему они смеются, Елеся, чему?

Елеся. Страсть напущают.

Крутицкий. Они нас это, нас пугают?

Елеся. Да вы не бойтесь. Это они игру ведут. Так, шутя. А все ж таки, чтобы и опасались. Что же это вы такое стережете?

Крутицкий. Молчи ты, услышат.

Елеся. Видно, у вас и вправду денег много.

Крутицкий. Молчи ты, молчи, болтун! Эх, какой ты болтун. Ну, что ты болтаешь, ну, что! Ведь услышат!

Елеся. Ну, а нет, так нет. Мне что.

Крутицкий. Да зачем болтать, зачем болтать? Ну, услышат, что у меня деньги, ну, убьют меня, ну, туда мне и дорога, я уж старик. А тебе-то нехорошо; ты молодой человек, а все болтаешь. Так вот болтуном и прозовут, и нехорошо. Все и будут: болтун да болтун! Ну, что? Ну, что?

Елеся. Да я к примеру, Михей Михеич.

Крутицкий. Да не надо мне твоего примера.

Елеся. Ведь я какой человек?

Крутицкий. Какой? Глупый.

Не было ни гроша, да вдруг алтын. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru
Елеся. Нет, погодите! Я вот какой: будь у вас в кармане сто тысяч...

Крутицкий (зажимая ему рот). Провались ты!

Елеся. Нет, постойте! Хоть бы доподлинно, я никому не скажу! Мне что за дело! у вас в кармане деньги, значит...

Крутицкий. Разбойник, разбойник! Вот навязался. Там слушают, пугают, а ты...

Елеся. Ну, и значит, ваше при вас, а мое дело сторона. Так аль нет я говорю? что мне до чужих денег, хоть бы у вас их миллион.

Крутицкий (замахивается дубиной). Провались ты!

Елеся. И провалюсь. Пойти метлу поискать да улицу подместь. Все-таки на улице порядок да и моцион, а то что-то меня к утру-то ветерком пробирать начало. Калитка-то у нас заперта. Да вот кто-то выходит.

Выходит Петрович.

Юркнуть, пока не заперли. (Уходит в калитку.)

Явление четвертое
Крутицкий, Петрович.

Петрович (про себя). Это кто? Михей? Он и есть. Ого! Какую дубину прибрал! как награбленное-то бережет.

Крутицкий, увидя Петровича, отворачивается.

Что отворачиваешься от знакомых? Ты погляди на меня.

Крутицкий. Невежа ты, вот что. Я чиновник.

Петрович. Чины мы будем днем разбирать, а теперь, благо никого нет, поговорим запросто.

Крутицкий. Иди своей дорогой, куда шел.

Петрович. Вот что я тебе скажу! Ты в такую пору на улицу не выходи, а то, брат, неровен час...

Крутицкий. Нечего мне бояться.

Петрович. Ишь ты святой какой! Нечего ему бояться. Мало ль ты народу-то обидел? Мало ль по миру пустил? Ты меня бойся!

Крутицкий хочет уйти.

Куда ты, куда? (Останавливает его.) Нет, ты поговори со мной!

Крутицкий (злобно). я тебе ничего не сделал. Отойди, отступись! Служил я, так со всех брал, ты не лучше других; ты мне не отец родной, чтоб с тебя не брать. Ты сам по делам ходишь, сам с людей берешь.

Петрович. И сам беру, и знаю, как люди берут, ты мне не толкун. Попался тебе баран лохматый, ну, и обстриги его. А ведь ты со шкурой норовишь. Ты у меня с деньгами-то полбока вырвал. Я барином зажил, а ты меня сразу в нищие разжаловал. Только одна своя душа осталась, а то все ты отнял. Ты из меня, как паук, всю кровь высосал.

Не было ни гроша, да вдруг алтын. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru Крутицкий. Долго же ты помнишь! Ишь, какой памятный!

Петрович. Век не забуду. И не попадайся ты мне лучше, не вводи меня в грех.

Крутицкий. Мы не в бессудной земле живем, не в бессудной.

Петрович. Ну, да уж в Сибирь пойду, а тебя доконаю. Отольются тебе мои слезы.

Крутицкий (толкнув Петровича). Отойти от меня! Поди, поди!

Петрович. Ну, ты потише; а то ведь я из тебя баранок наверчу.

Крутицкий (замахивается дубиной). Отойти, говорю тебе!

Петрович. Что! Ты дубиной грозиться! Ах ты, мухомор! (Отнимает дубину.) Тряхну хорошенько, только тебе и житья! (Замахивается дубиной.)

Крутицкий (бежит и задевает шинелью за дерево). Ай, ай! Кто меня держит? Пустите!

Петрович. Вот и видно, что у тебя совесть-то нечиста! За сучок зацепил, да и испугался, и милости просишь. Рук-то марасть не хочется (бросает дубину), потому что ты, что гад ползущий, – все одно. Что, прикусил язык-то! Ишь ты, и шинелишка-то вся ползет, развалится скоро на тебе. А еще чиновник! Чином своим похваляешься! Сшей себе новую хоть на мои сиротские деньги, да уж и саван себе к стати на них же купи. (Уходит в лавку.)

Явление пятое
Крутицкий один.

Крутицкий. Вот он какой! Вот он какой! Насилу дух перевел. От него бегать надо. Он злой человек. (Задумывается.)

Вдруг в лавке громкий хор: «Хороша наша деревня». Крутицкий в испуге со всех ног бросается к своему крыльцу. На ходу, подле лавки, у него из шинели выпадает сверток. Он этого не замечает.

Разбойники! Оглашенные! Измучили они меня. (Садится на крыльцо.) Ох, сил моих нет. Сердце упало. Всех бы вас кнутиком, кнутиком: не воруй, не воруй! Да и этого стряпчего вашего тоже: «не пиши фальшивых паспортов». Что он тут про шинель болтал! Нет, шинель (встает и гладит рукой по ворсу) хороша. Повытерлась кой-где, ну, носишь, носишь, так по шву, разумеется, разорвется. А на то есть иголочка да ниточка. Нет, шинель хороша: а ежели издали поглядеть, так она почти новая. Глупый ты стряпуга! «Худа она, по швам ползет». Ах ты, глупый! А кабы ты знал, что эта шинель стоит! Хорошо мне в ней, радостно. Шубы собольей не возьму за нее, десяти, ста шуб. Смейтесь надо мной, бейте меня, я стерплю. Я завернусь в свою шинель, мне и хорошо, мне и тепло, мне и весело, да еще сам над вами посмеюсь, над всей Москвой посмеюсь. Чиновник в худой шинели! А не знаешь ты, глупый человек (оглядываясь), что я из одной полы пять домов каменных выстрою; из другой полы пять деревень куплю. Тут и твои деньги целы. Все тут, все со мной. (Ощупывает подкладку шинели и радостно смеется.) Вот они, вот они! Вот и здесь, вот и здесь, вот... Ах, ах, потерял! (Обезумев от испуга, опускается на ступени.) Нет, нет, найдутся. Куда им пропасть? Я вдруг духом упал; вот я посижу, вздохну немножко да и найду. За подкладку завалились, за подкладку. Да, да. А зашивал, а зашивал! Эх, Михей! Вот я пошарю сейчас. (Опускает руку.) Страшно! А ну, как там нет! Нет, я подожду искать. Ну, что же, ну, хоть и потерял, ведь я здесь потерял, здесь и найду. Вот... где я ходил? Здесь я ходил, в саду я прятался, вот и поищу, вот и найдутся. Здесь никто, кроме меня, не ходил? Да нет, право, не ходил, ей-богу, не ходил... Ах! (Ударяет себя рукой по лбу.) Елеся ходил... он ходил, он и в саду был... Нет, кажется, не был. Да нет, нет, не был. Что я! Да тут они, тут. Вот опущу руку, и тут. А я было... Хе-хе-хе!

Елеся выходит из калитки с метлой.

Не было ни гроша, да вдруг алтын. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Вот он! Он простой малый, он скажет, коли что.

Явление шестое
Крутицкий, Елеся.

Елеся. Михей Михеичу, снова здорово!

Крутицкий. Елеся, поди сюда.

Елеся. Какие дела, Михей Михеич? Что это вы, об чем плакали?

Крутицкий (заикаясь). Нет, я ничего. О чем мне? О, Елеся, ты хитрый?

Елеся. Я хитрый, Михей Михеич, хитрый.

Крутицкий. Ну, ничего. А ты не завидуешь?

Елеся. Завидую.

Крутицкий. Кому?

Елеся. Богатым.

Крутицкий. А как этак... ты зорок глазами?

Елеся. Зорок, за версту вижу.

Крутицкий. Ну, а если ты найдешь что-нибудь?

Елеся. Конечно дело, не отдам.

Крутицкий. Грех-то какой! (Показывает рукой.) Гляди, вон церковь-то, вон крест-то!

Елеся. Очень я вижу.

Крутицкий. Бога-то ты не боишься? Ах, грех-то!

Елеся. Нет уж, вы не беспокойтесь! Мы это соблюдаем в лучшем виде.

Крутицкий. Ну, коли ты бога не боишься, так вон это что, это что?

Елеся. Что ж такое за диковина! Частный дом.

Крутицкий. Что, мороз-то по коже подирает, подирает тебя?

Елеся. С чего же это? Частный дом нам очень хорошо известен; знаем все ходы и выходы; и с переднего крыльца, и с заднего бывали.

Крутицкий. Ты знаешь? Это хорошо, что знаешь. Так вот туда и водят веревочке.

Елеся. Видали.

Крутицкий. Вот и поведут.

Елеся. Кого?

Крутицкий. Кто найдет, да не объявит.

Елеся. Я не дурак; я коли найду, сейчас объявлю: так и так, мол; я закон-то знаю.

Крутицкий. Ну, так и объявляй скорей, и объявляй! Вот и пойдем вместе, вот и хорошо.

Елеся. Да об чем? Я в жизнь-то ничего, кроме пуговиц без ушков, не находил; так

Не было ни гроша, да вдруг алтын. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru про что объявлять-то?

Крутицкий. Ты обманываешь меня, ты ведь хитрый.

Елеся. Хитер, да не на то.

Крутицкий. На что же?

Елеся. Секрет, Михей Михеич.

Крутицкий. А ты бога все-таки помни! Коли есть что на душе, ты лучше скажи, повинись.

Елеся. Это вы успокойтесь, религия в нас настоящая. А вот улицу подмести надо, это точно.

Крутицкий. Ты где будешь мести?

Елеся. С той улицы, перед домом.

Крутицкий. Ну, ступай, ступай. Только ты делай дело хорошенько, сюда уж ты и не заглядывай. Всякое дело делай хорошенько!

Елеся. Чего я здесь не видал! (Уходит.)

Явление седьмое
Крутицкий один.

Крутицкий. Вот я сперва за подкладкой пошарю, а после и поищу. Ведь тут, тут; а как было я испугался! (Щупает за подкладкой.) Нет! Ну, и поищу, и поищу... (Потерявшись.) Теперь вот... через две минуты я либо опять с деньгами, либо... Господи, непусти! (Плачет, как ребенок.) Двадцать лет я голодал, двадцать лет жену морил голодом. Господи! Я хуже мота, хуже пьяницы; те хоть удовольствие себе делают, а я копил, копил, да и потерял. Казнить меня на площади, жилы тянуть. Как потерять! Деньги берегут, а не теряют. Ведь я знаю, что их берегут, я лучше всех знаю, как берегут их. А я-то вот и потерял, как глупый ребенок. Михей, где денежки, где денежки? Ну, что я скажу! (Плачет.) Потерял... Я оглупел, я дурачком стал на старости лет. (Плачет.) Ищи, Михей, ищи! (Вслушивается.) Кто сказал – ищи? Это я сам сказал – ищи! Да, да, ищи, а не найдешь, заплачешь, не так заплачешь, ох, как заплачешь, горько заплачешь! Зачем копил, зачем? Бывало, жена больная дрожит от холода, стонет: «Михей, Михей, сжался, я умираю, чайку мне, хоть чашечку, согреться бы мне». А мне было жаль гривенника для нее... Ищи, Михей, ищи! (Оглядывается.) А? кто тут? Да никого нет. Я сам же сказал, а других ищу. Где я был? Постой, постой! Я помню, да, вот где, в саду. (Идет в сад Епишкина.)

Входит Елеся. Из лавки выходят Епишкин и Петрович.

Явление восьмое
Елеся, Епишкин, Петрович.

Епишкин. А, друг, ты с метлой никак?

Елеся. Истукарию Лупычу наше почтение! Петровичу особенное! С метлой-с.

Епишкин. Подмел бы ты уж кстати кругом лавочки.

Елеся. С нашим удовольствием. Я, как расхожусь, так мне только дела давай.

Епишкин. Ну, и действуй.

Елеся (смеется). Не пыльна работа, а выгодна. Так, Истукарий Лупыч, я говорю?

Епишкин. Так, так, не перетакивать статью.

Не было ни гроша, да вдруг алтын. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru
Елеся (метет). Стойте-ко, находка! Вот она, в траве-то! (Поднимает сверток, который уронил Крутицкий.) Чур одному! Батюшки, что это такое?

Петрович. Покажи-ко!

Елеся. Нет. Чур одному! Шалишь, брат. Ты бы прежде меня закричал: «чур вместе», ну, нечего делать, половина твоя, а теперь все мое. Чур одному!

Епишкин. Да на что польститься-то! Кому тут потерять-то что-нибудь путное?

Петрович. Владей один, твое счастье.

Елеся (развертывая сверток). Нет, батюшки! Тут деньги, билеты. (Дрожит.)

Епишкин. Покажи, покажи!

Елеся (громко). Не выпущу из рук, не выпущу.

Епишкин. Да ты держи, мы в твоих руках посмотрим.

Елеся (громко). Смотрите, а из рук не выпущу. Умру, а не выпущу. Чур одному!

Входит Крутицкий.

Явление девятое

Елеся, Епишкин, Петрович, Крутицкий.

Крутицкий (хватает Елесью за ворот). Нашлись, нашлись! Держите вора, держите его!

Елеся (освобождаясь). Что меня держать, я и так не уйду. Отойди!

Крутицкий. Подай, подай! Все ли тут?

Елеся. Так и отдал, держи карман-то шире! А все ли, там сочтут, кому надобно.

Крутицкий хочет поймать руку Елеси.

Петрович (не допуская Крутицкого). Ишь ты, крапивное семя, где только завидит деньги, так и цапается за них.

Елеся (сжимает деньги в руке). Ну, да ведь уж я скорей жизни своей решусь, чем с этими деньгами расстанусь. Нет уж, конечно, замерли тут.

Крутицкий. Подай, подай!

Петрович (отталкивая Крутицкого). Ты поди в опекунский, там больше; там попроси, может, дадут тебе.

Крутицкий (падая на колени). Елеся, пожалей старика! В гроб ведь ты меня вгонишь, в гроб. Мои ведь, отдай!

Елеся. Ловок ты больно! Отдай! Свое счастье отдать!

Петрович. Однако ты химик! На какую штуку взять хочешь! За столько-то тысяч, пожалуй, и я на колени стану. Ты что-нибудь новенькое выдумай! Это ведь не копеечку подать.

Елеся (плачет). Как отдать, посудите! Что мне маменька-то скажет! У нас дом валится.

Епишкин. Да что с ним разговаривать! Ты нашел – твои и деньги. Поди объявляй, мы свидетели.

Елеся. Так ведь, истукарий лупыч? Мои?

Не было ни гроша, да вдруг алтын. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Епишкин. Еще бы.

Крутицкий (Елесе). Задушу я тебя!

Епишкин (удерживая его). Полно шалить-то, любезный, не маленький!

Петрович. Ишь ты, жадность-то до чего доводит. Вот таков-то он и секретарем был. Ухватит просителя за ворот, кричит: подай деньги!

Входит Лютов, за ним два будочника.

Явление десятое
Елеса, Епишкин, Петрович, Крутицкий, Лютов.

Епишкин. Дозор идет, вот и кстати.

Лютов. Что за шум?

Епишкин. История, Тигрий Львович.

Елеса. Я, стало быть, деньги нашел, заявить хочу. Вот свидетели.

Крутицкий. Меня ограбили, он украл у меня, вытащил из кармана.

Лютов. Не все вдруг. (Елесе.) Говори ты сначала!

Елеса. Вот вдруг Истукарий Лупыч говорит: «мети!»

Лютов. Да. Ну!

Елеса. Я, стало быть, мету, и вот вдруг...

Лютов. Ну!

Елеса. И вот вдруг деньги...

Лютов. Еще что?

Елеса. Вот видели.

Лютов. Подай сюда!

Елеса. Всех не отдам, Тигрий Львович, живого в землю закопайте, не отдам. Мне третья часть следует. (Плачет.) Дом заложен, на сторону валится, маменька бедствует. Долго ль нам еще страдать-то? Нам бог послал. Нет, уж это на что же похоже! Не троньте меня, грубить стану.

Лютов (будочнику). Возьми его!

Будочник берет Елесю за руку и достает веревку.

Елеса. В суд ведите! Вот что.

Лютов. Молчи!

Выходят из калитки Мигачева, из саду Фетинья.

Явление одиннадцатое
Елеса, Епишкин, Петрович, Крутицкий, Лютов, Мигачева, Фетинья.

Мигачева. Батюшки, что за беда!

Не было ни гроша, да вдруг алтын. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
фетинья (про себя). Ох, и вижу я, да не подойду; затаскают, насидишься.

Мигачева. От слов моих, пропасти-то все я ему сулила.

Лютов (Крутицкому). Вы что?

Крутицкий. Ваше благородие, бедность моя...

Лютов. Да. Ну!

Крутицкий. Подаянием питаюсь, куска хлеба в доме нет...

Лютов. Потом что?

Крутицкий. Велите отдать! Не погубите старика! Он у меня отнял, украл. (Ловит руку Лютова, чтобы поцеловать.)

Лютов. Оставьте!

Петрович. Что же он говорит, ваше благородие! Копейки нет, куска хлеба нет, а тысячи у него были!

Крутицкий. Это не мои, это чужие.

Лютов. А не ваши, так, вам до них и дела нет. (Елесе.) Пойдем! (Будочнику) Веди его!

Крутицкий (громко). Стойте! Мои, мои деньги. Сто тысяч у меня, двести, миллион... Вы их разделить хотите! Ограбить меня! Я своей копейки тронуть не дам, умру за нее. Я вас под суд, в Сибирь, грабители!

Лютов (другому будочнику). Возьми его!

Будочник берет Крутицкого.

Ведите их! (Епишкину и Петровичу.) За вами пришлют, когда будет надо.

Елеса. Что делать-то, Истукарий Лупыч! Русская пословица: от сумы да от тюрьмы не отказывайся! Так я говорю?

Лютов. Ну, марш, без разговоров!

Уходят.

Мигачева. Батюшки, куда их повели-то?

Петрович. Да сначала, как по делу-то видно, надо быть, в острог. Посидят там года два, ну, а потом уж вдоль по Владимирской.

Мигачева. Как же мне быть-то? Батюшка, помоги ты мне!

Петрович. Изволь. Просудишь дом-то. Уж тогда буду я хозяином, а ты у меня в жильцах жить.

Мигачева. За что его взяли-то? Какая беда-то его?

Петрович. Ограбили кого-то с Михеем да не разделят. Вот и все. (Смеется.) Дело-то пустое, а люди-то вяжутся...

Действие пятое

Лица

Крутицкий.

Не было ни гроша, да вдруг алтын. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Анна.

Настя.

Епишкин.

Фетинья.

Лариса.

Мигачева.

Елеся.

Петрович.

Баклушин.

Декорация та же.

Явление первое
Входит Крутицкий, бледный и расстроенный.

Крутицкий. Куда я пришел, куда? (Осматривается.) Ах! Домой пришел. Зачем, зачем? (Берется за голову.) Нечего мне дома делать, нечего. Тоска меня загрызет, лютая тоска загрызет. (Сквозь слезы.) Пойду я лучше погуляю. Меня немножко ветром пообдует. (Печально.) Пойду. Далеко пойду, за заставу куда-нибудь, от людей подальше. Тяжело на людей-то смотреть. Ох, как голова горит! (Снимает картуз и кладет его на крыльцо.) Пойду погуляю. В Тюфелеву рощу пойти? Там хорошо, глухо так, никто туда, никто не ходит. Кто туда пойдет? Пойдет бедняк какой-нибудь с горя да с тоски погулять, да уж.. и удавится тут же. Вот, говорили, там нынче весной один закладчик повесился; обокрали его на двадцать тысяч. Да и есть от чего. Как это пережить! Как пережить? Невозможно! У всякого своя радость, своя утеха; он копил, берег, в том и вся жизнь его была; ничего ему не нужно, одни только деньги, одни свои деньги, а украли деньги, нет денег, зачем ему жить? Зачем жить-то? Что делать-то на свете? Плакать, тосковать, проклинать себя, биться об угол головою, двадцать раз в день на гвоздь петлю повесить да опять снять. Еще вот нам бог сон дал; ну, заснешь, забудешь, а проснешься-то? Опять та же тоска, и каждый день, каждый день. Так уж лучше один конец. Ох, ох! (С отчаянием.) Пойду, погуляю. Ох, как тяжело, душно как! Пойду, пойду. Далеко ведь! Что ж, я извозчика найму. На что мне деньги? На что они мне теперь? Возьму вот, возьму да и брошу. Столько ли Михай бросил. Убить его, убить! Ну, и кидай, ну, все и кидай! (Вынимает несколько медных денег и бросает.) Натте, подбирайте, кто хочет; не надо мне, не надо, я их беречь не умею. Пойду, сейчас пойду. (Идет, шатаясь, и видит на земле медную монету.) Ай! Вот он! (Поднимает пятак и с радостью бежит на прежнее место.) Нашел, нашел! (Судорожно прячет его в карман жилета.) Сюда его, спрятать его поскорей, благо не видали. (Помолчав, опускает руки.) Мало. А моих много было. Как скучно! Ах, тоска смертная! Пойду погуляю. (Идет нетвердыми шагами. Осматривается и, махнув рукой, поворачивает в сад Епишкина.)

Выходят Мигачева из калитки, Фетинья и Лариса из лавки.

Явление второе
Мигачева, Фетинья, Лариса.

Фетинья (Ларисе). Не видать нашего-то?

Мигачева (про себя). Ох, и моего не видать.

Фетинья (не глядя на Мигачеву). Очень нужно. Хоть бы и век его не видать, беда невелика.

Мигачева (не глядя на Фетинью). Всякому свое. Мне мой-то, может, дороже вашего

Не было ни гроша, да вдруг алтын. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
втрое.

Лариса. Маменька, их совсем засудят или не совсем?

Фетинья. Никому неведомо. Каков судья: сердит, так засудит, а милостив так простит.

Мигачева. Ох, да, да! Не бойся суда, а бойся судьи. Пуще всего ты его бойся!

Фетинья. Да, вот причитай тут, еще голосом завой! По вашей милости и мой-то попал.

Мигачева. Ох, должно быть, по наговору, по чьему-нибудь наговору. От злобы людской, от соседей все больше люди погибают. Есть же такие соседи злодеи, ненавистники.

Фетинья. Уж именно злодеи, ненавистники. Сам ограбил кого-то, да взял да моего свидетелем и выставил назло, чтоб по судам таскали.

Мигачева. Есть же варвары, из-за малости, из-за сажи рады человека погубить.

Фетинья. Мало того, что взял да назло окрасил меня, взял да назло мужа запутал.

Мигачева. Вот она сажа-то! Шути с ней! Все квартальный виноват! За сажу да в острог попал. Оговорили по злобе.

Фетинья. Мало ему. Какой живописец проявился! Красил, красил заборы-то, да за людей принялся. Так ему и дать волю? И хорошо сделали, что в острог посадили.

Лариса. Маменька, у вас совсем никакой разности в разговоре нет. Наладите одно и твердите, как сорока. Ведь отмылось, что ж толковать!

Фетинья. Еще б не отмылось! Что ж мне арабкой, что ли, ходить прикажешь!

Мигачева. Сам тому не рад. По нечаянности...

Фетинья. Окрасил по нечаянности, а украл по отчаянности. Славный парень, смиренный.

Входит Петрович.

Явление третье
Мигачева, Фетинья, Лариса, Петрович.

Петрович (Мигачевой). Ну, прощайся ты с сыном. (Фетинье.) А ты с мужем. Только и видели.

Мигачева. Где они теперь?

Петрович. На цепи сидят.

Фетинья. А ты сорвался, что ли? Полно ты, не глупей себя нашел.

Мигачева. Каким судом моего судят-то?

Петрович. Шемякиным.

Мигачева. Полно ты! Судов только и есть, что гражданский да уголовный; по гражданскому – в яму, а по уголовному – в острог.

Петрович. Много ты знаешь! И Шемякин есть.

Мигачева. Есть, да только в сказке.

Петрович. Да ведь сказка-то взята же с чего-нибудь. Чего нет, того не выдумашь.

Не было ни гроша, да вдруг алтын. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Входят Епишкин и Елеся.

Явление четвертое

Мигачева, Фетинья, Лариса, Петрович, Елеся, Епишкин.

Елеся (запыхавшись). Маменька, невидимая рука, невидимая рука!

Мигачева. Где она, где она?

Елеся. Вот она! (Подает деньги.) Три тысячи с половиной! А? Довольно хорошо? Жив бог, жива душа моя. Так я говорю?

Епишкин. Верно, Елеся. Молодец!

Мигачева. Уж не с неба ли свалились?

Елеся. С неба, маменька, за правду за нашу. Нашел. Сейчас суд да дело, свидетелей налицо. Судили, рядили, сосчитали все деньги, отсудили мне три тысячи с половиной; получай, говорят. Ух, устал! Получаю, говорю. Остальные Михею.

Мигачева. Да разве его деньги-то были?

Елеся. Его; на суде добрались. Вот теперь мы как миллионщики жить будем.

Мигачева. Есть-таки разница.

Елеся. Никакой, те же двадцать четыре часа в сутки.

Мигачева. Золотой ты мой! (Обнимает сына.) Как я рада-то!

Фетинья. Ну, как не обрадоваться! Не было ни гроша, да вдруг алтын!

Елеся. А уж как я-то рад! (Обнимает вместо матери Ларису.)

Фетинья. Что ты, что ты! Ишь ты, на чужое-то разлакомился! Это ведь не находка твоя; третью часть не дадим.

Епишкин. На что ему третью часть! Видно, уж ему ее всю отдать. Мы не как Михай, об этой потере не заплачем.

Фетинья (берет Елесю за руку). Не тронь, говорят! Что ты облапил, точно свою собственность? Еще крепости у тебя на нее нет.

Лариса. Как это вы, маменька, вдруг останавливаете! Коль скоро человек в таком чувстве, надо ему свободу дать.

Епишкин. Дай, Фетинья, свободу, дай.

Фетинья. Как ты говоришь свободу дать? Да что ж это у них будет-то?

Епишкин. Что у них будет-то? А нам-то что за дело! Нам какой убыток! Вот нашла печаль! Ты б лучше вспомнила, догадалась, что муж еще с утра водки не пил.

Фетинья. А если я роду их, мигачевского, видеть не могу.

Епишкин. Ты слушай, что тебе говорят-то. Я по два раза приказывать не мастер. Стало быть, надо тебе бежать закуску готовить. А что ты их видеть не можешь, это мы поправим; уж я, так и быть, трудов своих не пожалею, похлопочу около тебя, ты у меня на них, хоть исподлобья, а все-таки взглянешь.

Фетинья уходит.

Сватья, пойдем! Петрович, трогайся! (Уходит, за ним Мигачева и Петрович.)

Не было ни гроша, да вдруг алтын. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Лариса. Надеюсь, что вы идете не для закуски, но для меня собственно.

Елеся. Что за неволя мне водкой огорчаться, коли я такую сладость перед собой вижу.

Лариса. Благодарю вас за комплимент. (Уходит с Елесей.)

Из дома выходят Анна и Настя.

Явление пятое
Анна, Настя.

Анна. Эх, пора бы нам идти, Настенька.

Настя. Ах, не говорите, пожалуйста, и не напоминайте.

Анна. Да ведь уж нечего делать.

Настя. Мне хоть немножко еще побыть у вас.

Анна. Нельзя, мой друг, нельзя; эти люди любят, чтоб их уважали, чтоб каждое приказание их исполняли в точности. Они гордые, – бедных людей ни за что не считают. Не исполни-ко его приказание-то, так он разгневается, что беда, а на первых-то порах это нехорошо. Как мне быть-то с тобой! Проводила б я тебя, да Михея Михеича дома нет. Не знаю, куда он делся! Не пойти ли тебе одной?

Настя. Ах, нет. Как одной? Мне все будет казаться, что на меня все пальцами показывают, и я буду все по глухим переулкам прятаться. Я не дойду одна.

Анна. Да мне-то несвободно, нельзя дом-то оставить. Когда еще Михей Михеич воротится, неизвестно, а идти надо. Нехорошо, обещали. (Гладит ее по голове.) Поди-ко ты одна, я после приду, принесу тебе кой-что твое.

Настя. Тетенька!

Анна. Что, мой друг?

Настя. Так уж я пойду. Прощайте! (Обнимает Анну.)

Анна. Прощай, душа моя!

Вбегает Елеся.

Явление шестое
Анна, Настя, Елеся.

Елеся. Анна Тихоновна! Анна Тихоновна!

Анна. Что тебе?

Елеся. Да пожалуйста сюда, в сад. Какая оказия-то, право!

Анна. Да что такое?

Елеся. Оказия вышла.

Анна. Что мне за дело? Зачем я пойду?

Елеся. Пожалуйста, сами увидите.

Анна. Да ты скажи толком.

Елеся. Да что мне говорить-то! Нет, уж лучше вы сами.

Не было ни гроша, да вдруг алтын. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Анна. Ну, что я буду в чужом саду делать?

Елеся. Да Михей Михеич...

Анна. Что Михей Михеич?

Елеся. Да они... Нет, уж лучше вы сами...

Анна. Ты не пугай меня; начал говорить, так говори.

Елеся. Да гуляли, гуляли...

Анна. Ну, что же?

Елеся. Гуляли, гуляли да и... зацепились за дерево.

Анна. Как зацепились?

Елеся. Да так... Нет уж, помилуйте, лучше вы сами...

Анна (Елесе). Ну, ступай, я приду. (Насте.) Подожди меня. Пойду, посмотрю, что такое. (Уходит, за нею Елеся.)

Настя. У меня что-то повернулось на сердце; в голове мелькнуло что-то такое, что я во сне видела. Это беда какая-нибудь, непременно беда; но мне кажется, что эта беда для меня к лучшему. Какая-нибудь перемена будет. Какая – не знаю. Чего уж я ни передумала! Я думала, что если будет землетрясение или пожар большой, так я спасусь как-нибудь. А как спасусь – уж не знаю. Все это я вечером да ночью передумывала. А как проснулась сегодня утром и увидела, что ночью ничего не случилось, что нынче день такой же, как и вчера, мне так страшно сделалось, так страшно! Я все ждала, что к утру перевернется что-нибудь в природе, что половина Москвы провалится, и будет озеро, а на той стороне горы...

Входит Баклушин.

...и что Модест Григорыч приедет ко мне на большой лодке. Я такую картину где-то видела.

Явление седьмое
Настя, Баклушин.

Настя (увидав Баклушина). Ах!

Баклушин. Не ожидали?

Настя. Не надо. Нет, нет, мне вас не надо.

Баклушин. А сейчас мое имя поминали.

Настя. Ну, так что же! Я долго, долго буду думать о вас, вспоминать вас, а видеть вас не хочу.

Баклушин. Отчего же?

Настя. Вы все мучите меня.

Баклушин. Чем?

Настя. Учите меня, как жить. Зачем говорить о жизни! Мне это очень больно. Вы живете по-своему, я по-своему. Вам жить хорошо, мне худо; так забудем про это. Конечно дело. Если хотите поговорить со мной последний раз, так скажите что-нибудь повеселее.

Баклушин. Очень бы я хотел сказать вам что-нибудь веселенькое, да в голову нейдет, самому не очень весело.

Не было ни гроша, да вдруг алтын. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Настя. Ну, сделайте милость, придумайте!

Баклушин. Извольте!

Настя. Ну, рассказывайте.

Баклушин. Есть у меня одна смешная история, да не знаю, понравится ли вам.

Настя. Все равно, рассказывайте!

Баклушин. В некотором царстве, в некотором государстве жил-был Баклушин...

Настя (оглядываясь). Хорошо, отлично.

Баклушин. Вот однажды, в минуту жизни трудную, занял по векселю этот Баклушин всего на месяц, и всего-то сто рублей у щипаного, рваного, вылинявшего ростовщика.

Настя (оглядываясь). Да, да. Как это смешно! Чем же это кончилось?

Баклушин. В том-то и дело, что это не кончилось и конца этому не будет. Через месяц, разумеется, Баклушин ста рублей не отдал, и через два не отдал, и через год, и так далее, а платил только проценты, да и то неаккуратно. Вексель этот, как водится, переписывался, и вышло...

Настя. Что же вышло?

Баклушин. Что за сто рублей переплатил Баклушин в три года процентов рублей триста да состоит должен теперь этому линючему ростовщику тысяч семь. А так как Баклушину заплатить нечем, то и будет этот долг в той же пропорции увеличиваться до бесконечности.

Настя. А, так вот для чего Баклушин ищет богатую невесту!

Баклушин. Именно для этого.

Настя. А невест не находится?

Баклушин. А невест не находится, а долг растет.

Настя. Да ведь говорят, что коли кто очень много должен, так все равно, что ничего не должен.

Анна Тихоновна, Епишкин, Петрович, Елесья проходят из сада в квартиру Крутицкого.

Баклушин. Вот я и жду, когда буду должен миллион; может быть, тогда тамому ростовщику смешно станет. А если б не этот долг, Баклушин женился бы на девушке, которую он любит.

Настя. Верю, верю; но вот что, Модест Григорьич! Тетенька прошла домой, теперь мне нужно переезжать на новую квартиру, которую мне добрые люди наняли. Нам время проститься.

Баклушин. Как, сейчас?

Настя. Да, сейчас и уж навсегда.

Баклушин. Как мне жаль, что я теряю вас!

Настя. Ну, что делать, голубчик! Прощайте! (Горячо обнимает Баклушину.) Прощайте, мой милый, хороший, красавец мой!

Баклушин (сквозь слезы). Прощайте!

Настя. Постой! Как я любила тебя! Боже мой! Нет меры, нет никаких границ! Нет

Не было ни гроша, да вдруг алтын. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru того на свете, чего бы я для тебя не сделала.

Баклушин. Что я теряю, что я теряю! Боже мой!

Настя. Да, много, много. Мне очень жаль тебя.

Баклушин (берет ее за руку). Настенька!

Настя. Прощай! Нет... больше нельзя! Идите!

Баклушин отходит до угла лавки. Настя издали кланяется ему и посылает поцелуи. Из дома выходят Анна, Епишкин, Петрович, Елеся; из сада – Фетинья, Мигачева, Лариса.

Явление восьмое

Настя, Анна, Епишкин, Петрович, Елеся, Фетинья, Мигачева, Лариса, вдали Баклушин.

Анна (тихо плача). Что он сделал! Что он сделал!

Настя. Тетенька, иди мне?

Анна (утирая слезы). Нет, мой друг, уж ты не покидай меня. Михай Михайч... Господи, прости ему! Погубил он свою душу...

Настя. Ах, какое горе!

Анна. Да, горе; и с ним было горе, и умер – горе. До нас ли ему было, прости ему господи, коли он души своей не пожалел! За деньги, за проклятые деньги... Ведь всем умереть; да зачем же так!..

Настя. А разве дядя любил деньги?

Анна. Что это, господи! Вздумать-то, вздумать-то мне страшно! За что только он мучил себя и нас? Сколько лет мы живем нищенски, а у него за подкладкой шинели нашли мы больше ста тысяч, да вот теперь в его комнате под полом вещей и брильянтов и числа нет. И так в мире босоты-наготы довольно, а мы ее, помимо божьей воли, терпели. Как богу-то не разгневаться!

Настя. Вы теперь богаты, тетенька!

Анна. Тяжелы мне эти деньги, душа моя; меня теперь никакое богатство не обрадует. Отвыкла я с ним и жить-то по-людски, убил и похоронил он меня заживо. Десять лет я сыта не была, так теперь за один день не поправишь. Бог с ними и с деньгами! Мы с тобой их разделим. А греха-то, греха-то что! Я было погубила тебя совсем. С голоду да с холоду обезумела я, а ведь добра тебе желала. Меня-то б удавить надо за тебя. Нет ума у голодного, нет!

Настя. Тетенька, милая! (Громко.) Модест Григорьич! (Анне.) Не плачьте, божья воля, не плачьте! Ах! (Обнимает тетку.) Я живу, я живу! Не надо хоронить меня! Тетенька, милая!

Баклушин подходит и останавливается в молчании.

Елеся. Вот уж она теперь за благородного выскочит.

Епишкин. Похоже на то.

Фетинья. Ей хоть миллион дай, все-таки видом и амбицией она против моей Ларисы не выдет.

Лариса. Не только видом и амбицией, но и всем прочим супротив меня далеко.

Настя (Баклушину как бы с упреком). Вот вы тогда... А мы теперь богаты с

Не было ни гроша, да вдруг алтын. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru тетенькой. Вот вы и знайте.

Баклушин. Откуда вам бог послал?

Настя. Мне вдруг наследство...

Епишкин. Дяденька их у меня в саду удавились. Ах! (Берется за голову.) А ведь говорили дураку, загороди забор.

Баклушин. А кто такой ваш дяденька?

Настя. Да он... я не знаю... как это?

Петрович. Отставной подьячий, Крутицкий.

Баклушин. Крутицкий? Да ему-то я и должен.

Настя. Ему? Вот и отлично! Уж теперь вы нам должны, вот мы вас в тюрьму, и непременно.

Баклушин. А много он вам оставил?

Настя. Я не знаю. Говорят, сколько-то тысяч.

Епишкин. Чего тут: «сколько-то»; побольше двухсот будет.

Настя. Ну, вот сколько.

Баклушин. Позвольте за вами снова поволочиться.

Настя. Позволяю.

Мигачева. Стыдно такие деньги и брать-то.

Фетинья. Да ведь уж, матушка, что ни говори, а впрок они не пойдут.

Настя (смеясь). Да, правда ваша, я знаю, что мы с Модестом Григорьевичем промотаем их скоро.

Анна. Уж лучше промотайте, чем беречь так, как твой дядя берег.

Настя. Как страшна мне казалась жизнь вчера вечером, и как радостна мне она теперь!

Анна. А вот, душа моя, несчастные люди, чтоб не гневить бога, чтоб не совсем отчаиваться, утешают себя пословицею, что «утро вечера мудренее», – которая иногда и сбывается.
1872

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://ostrovskyaalexander.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!